

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОКРОВИТЕЛЬ

для Ангела

ЕКАТЕРИНА РОМЕРО

Покровитель для Ангела

Екатерина Ромеро

Покровитель для Ангела

«Автор»

2023

Ромеро Е.

Покровитель для Ангела / Е. Ромеро — «Автор»,
2023 — (Покровитель для Ангела)

БЕСТСЕЛЛЕР! Он тот, кто держит в страхе весь город. Я та, кто осталась совсем одна. Я должна была обратиться в милицию за помощью, но я пошла к бандиту даже не представляя, к чему приведет мое простое желание выжить. — Немая что-ли? Выдыхая дым через нос, Бакиров на меня прямой взгляд переводит, и продрав сухое горло, я выдаю на одном дыхании: — Нет, я не немая! Возьмите меня! Выпаливаю и тут же жалею. Сглатываю от страха. От этих слов за спиной слышится какое-то присвистывание, Бакиров почему-то закашливается дымом, и я понимаю, что ляпнула не то, точнее не так, как тренировалась миллион раз за сегодня. Мамочки! — Что сделать? Грубо переспрашивает он, а я жутко нервничаю, как на экзамене, только хуже! Пальцы дрожат, чувствую себя овечкой в логове со львами, главный из которых сидит за этим столом. От автора: Криминал. Невинная героиня. Мат. 90-е. Книга первая.

© Ромеро Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	46
Глава 17	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Екатерина Ромеро

Покровитель для Ангела

Глава 1

– Он здесь, ты точно уверен?

Дую на окоченевшие ладони, пытаюсь хоть немного их согреть от февральского мороза.

– Да, вон вход, видишь? Дальше сама.

– А как я его узнаю? Как он выглядит?

– Поверь, Бакирова ты сразу узнаешь. Брат говорил, он бугай большой, здоровый мужик с татухами на кистях.

Сглатываю, стараясь унять пробирающую дрожь в теле.

– Стой, Вадь, а ты разве не проводишь меня внутрь?

– Лин, – поправляя капюшон от падающего хлопьями снега, бубнит Вадик. – Я манал туда соваться, честно. Тебе надо, ты и иди, раз уж совсем с головой не дружишь. Мне брат такое про этого черта рассказывал, ты бы подумала еще.

– Ладно, спасибо. Сама пойду.

Киваю однокласснику и перевожу взгляд на яркую неоновую вывеску “Соблазн”, висящую над большими металлическими дверьми. Похоже на какой-то клуб. Что ж, ничего страшного, правда? Не съедят меня там.

Кутаясь в куртку, которая почти не держит холода, хватаюсь за металлическую ручку и с третьей попытки все же открываю эту жутко тяжелую дверь. Не то чтобы я совсем слабой была, но я самая маленькая в классе, из-за чего каких только прозвищ у меня не было.

Делаю шаг внутрь, тут же чувствуя плотный запах сигаретного дыма, дерущего не привыкшее к таким запахам горло.

Я никогда не была в этом месте и даже в этом районе. Мама бы прибила меня, если бы узнала, что я вообще сюда сунулась, но мамы нет больше, как и бабушки. Последние два месяца сломали мою старую жизнь, точно грифель от карандаша, а какая она новая... я еще не знаю.

– Стоять, куда? – чей-то низкий голос вырывает из пучины мыслей, и, подняв голову, я вижу на входе громилу в костюме. Он смотрит на меня удивленно, а я невольно в куртку свою сильнее забираюсь, поправляю косу.

Внутри пробегают холода. Куда я пришла, господи, что я делаю? Ладно. Придаю голосу уверенности:

– Я к господину Бакирову.

– К кому?! Че ты там лепечешь?

Шкаф аж наклоняется ко мне, поэтому приходится набрать побольше воздуха в грудь, чтобы выпалить уже громче:

– К Бакирову! Дайте пройти, пожалуйста.

Моя смелость потихоньку заканчивается и достигает предела, когда к нам подходит второй мужчина. Более молодой. Парень даже.

– Что за шум, а драки нет?

– Да вот, Серый, мелочь какая-то к Бакиру рвется.

– Приветик, манюня, – окидывая меня каким-то масляным взглядом, говорит этот парень лет двадцати, именуемый “Серым”, тогда как, кажется, мне пора на выход.

– Я, наверное, в другой раз...

– Стой, стой! Иди сюда, манюнь.

Этот парень меня буквально заталкивает внутрь клуба, цепко схватив за рукав куртки, и тут уже нервишки мои сдают.

– Нет, не трогай меня! – вскрикиваю, отшатываясь от него.

– Что здесь происходит?

Этот голос – очень низкий, командный, бархатный, с явной хрипотцой от частого курения – заставляет мгновенно сжаться в комок.

Охранник-шкаф и Серый в одночасье расступаются, и я замечаю перед собой высокого здоровенного мужика с широкими плечами. У него короткие темные волосы, какой-то страшный взгляд и черная одежда. Остальное не успеваю уловить, так как быстро опускаю глаза в пол.

– Кто это?

– Не знаю, к вам, говорит.

Поднимаю взгляд на секунду и замечаю огромные ладони с тату на кистях у этого мужчины.

Судорожно сглатываю, пытаюсь выглядеть спокойной, не выдавать волнения.

Боже, это и есть он! Михаил Бакиров. Тот, кто весь город наш держит в ежовых рукавицах. Бандит... Криминальный авторитет, у которого власти будет больше, чем у самого мэра. Так, по крайней мере, Вадик мне рассказывал, в десятый раз уговаривая не соваться в этот клуб.

– Ко мне? – холодно бросает, а я ловлю мурашки от его тона.

Коротко киваю. Я помню, что Вадик говорил не смотреть прямо на этого головореза, не то он злиться начинает, а злить его я уж точно не хочу.

– Ну, пошли.

В руке бандита что-то блестит, но что именно, я не успеваю рассмотреть. Надеюсь, не нож, очень надеюсь. Судя по тому, что об этом мужчине говорят, ему ничего не стоит лишить человека жизни, а я еще хочу пожить, очень даже.

На негнущихся ногах плетусь за Бакировым, едва поспевая за его быстрым большим шагом. Он в черных брюках и такой же черной водолазке, обтягивающей его широкую спину и массивные крупные плечи. По правде, его спина будет как три моих, и он выше меня почти на две головы даже сейчас, когда я надела мамины туфли на каблучке, чтобы казаться чуть старше.

Мы проходим по большому залу со столиками, после чего по длинному коридору попадаем в кабинет, где сигаретного дыма столько, что от него у меня сразу же выступают слезы на глазах и хочется кашлять.

Только теперь я замечаю, что за нами следовали еще двое мужчин, среди которых был тот самый неприятный Серый, который затолкал меня внутрь, и еще один бугай, которого я не увидела раньше.

– Кто ты, от кого?

Когда оказываемся в кабинете, времени на подумать или осмотреться мне не дают, и я вижу только этого Бакирова. Ох, какой же огромный, точно как медведь! Он садится за большой стол, откидывается на кожаное черное кресло, берет сигарету, подносит к губам и щелкает зажигалкой.

Закуривает.

Глубоко затягивается.

Рядом пепельница стоит, валяются какие-то бумаги, а я глаза невольно поднимаю, забыв о запрете Вадика, и просто засматриваюсь на него.

Бакиров не красивый, нет. Страшный какой-то, свирепый, жуткий. Вовсе не мальчик, взрослый мужик.

Его ладони все в синеватых татуировках, даже на фалангах пальцев есть. Руки огромные, с извилистой сеткой вен, грубые. Если сожмет такие в кулак, будет как пол моей головы точно!

Как далеко эти рисунки простираются, не видно, так как он в черной водолазке, закрывающей его руки до кистей.

На лицо бандита страшновато смотреть, но то, что я уже успеваю увидеть, радости не внушает.

У него мощная шея, квадратный волевой подбородок, прямой нос, строгие губы, страшные глаза и черные брови с изломом. Жесткие волосы назад уложены, выбриты на висках. Черная короткая щетина на лице. Четкие скулы.

– Немая, что ли?

Выдыхая дым через нос, Бакиров на меня прямой взгляд переводит, и, продрав сухое горло, я выдаю на одном дыхании:

– Нет, я не немая! Возьмите меня!

Выпаливаю и тут же жалею. Сглатываю от страха.

От этих слов за спиной слышится какое-то присвистывание, Бакиров почему-то закашливается дымом, и я понимаю, что ляпнула не то, точнее, не так, как тренировалась миллион раз за сегодня.

Мамочки!

– Что сделать? – грубо переспрашивает он, а я жутко нервничаю, как на экзамене, только хуже!

Пальцы дрожат, чувствую себя овечкой в логове со львами, главный из которых сидит за этим столом.

Глава 2

Я все еще не смотрю ему в глаза и слышу только, как отчаянно бьется мое сердце в этот момент. Уже где-то в горле. Я никогда не была в такой ситуации, никогда не бывала в таких местах и уж точно не общалась с бандитами.

Что сказать, что...

Выхода нет, я должна.

– Мне нужны деньги. Очень.

– Тоха, я ни хера не вкуриваю, кто ЭТО? Где ты ее откопал? – спрашивая куда-то мимо меня, басит Бакиров, а я вся сжимаюсь, не зная, куда деть глаза.

Боже, куда я пришла? Вадик же отговаривал меня не идти в это логово, а я не знала уже, куда еще пойти, кроме как к нему.

Меня никто не работу не берет из-за возраста, но мне нужна работа, все равно уже какая.

– Да я не знаю, она сама приперлась. Влад принимал. Ты от кого, девочка?

Ко мне подходит второй мужчина, тоже высокий, но он блондин, не такой страшный, как этот... главарь их.

– Ни от кого. Я сама пришла, – лепечу своим нежным девичьим голоском, и, как ни стараюсь сделать его грубее, все равно он тихий и тонкий.

– Так, все, выведи ее. Я не занимаюсь благотворительностью, – выдыхая дым, хриплым голосом заключает Бакиров, и тогда я понимаю, что, если снова продолжу мямлить, желаемую работу так и не получу.

Дверь открывается, Серый уже в проходе ждет, но я даже не думаю двигаться с места.

– Нет, подождите! Я никуда не уйду! – рявкаю громче, чем надо, от нервов в последнее время вся дерганая.

Блин.

– Интересно, – заключает Бакиров, тушит сигарету и упирается своими огромными, покрытыми татуировками руками в стол, тогда как я храбрюсь.

Или сейчас, или никогда.

– Я же сказал, не занимаюсь благотворительностью. Че те надо?

– Мне не нужна ваша благотворительность! Возьмите меня на работу, пожалуйста.

Воцаряется тишина, и я надеюсь, что выгляжу старше, так как специально надела мамины черные туфли на небольшом каблуке, чтобы казаться выше. Поправляю волосы, выбившиеся из косы, сглатываю.

Невольно глаза поднимаю и замечаю, что как раз сейчас этот бандит Бакиров смотрит прямо на меня.

Внимательно так смотрит. Пристально.

Поджимаю губы.

Становится страшновато.

– Сколько тебе лет, кукла?

Закусываю губу. Кажется, мамины каблуки не сработали и не сделали меня старше. Ладно.

– Мне... гм, около восемнадцати, – запинаюсь. Я вообще не умею врать. Мама бы по губам надавала за такое, не говоря уже о бабушке, педагоге языка и литературы.

– Точнее.

– Шестнадцать, но скоро уже будет семнадцать! Через три недели.

Кривая короткая усмешка озаряет страшное лицо бандита.

– Иди отсюда. Тоха, проводи.

Кивает блондину, и этот второй мужик, именуемым “Тохой”, подходит ко мне, но я так просто сдаваться не собираюсь.

– Стойте... Пожалуйста, мне очень надо! Я никуда не уйду без работы!

– Так иди на панель, малая, в чем проблема? – слышится сзади насмешливый голос Серого, и я застываю. Не на такую работу я прошусь. Совсем не на такую.

– Ты хочешь на панель? – спрашивает главарь серьезно, заставляя меня оцепенеть от его тона.

– Нет. Не хочу. – Поднимаю на него взгляд, нарушая запреты. У этого бандита темные карие глаза с зеленой радужкой. Страшные, строгие. – Я пришла к вам за помощью. Мне некуда идти больше. Я не хочу в детдом! – выпаливаю и прикусываю губу. Я не привыкла жаловаться, само как-то вырвалось случайно.

– Что ты умеешь? На хрен ты мне?

– Я... я хорошо читаю, знаю Шекспира наизусть, и хорошо биологию, и математику еще!

Слышу насмешливое перешептывание сзади и буквально чувствую на себе этот тяжелый взгляд главаря, но, кажется, мои навыки тут никому даром не сдались.

– Я все могу делать. Любую работу, и даже за ползарплаты!

Все замолкают, и я сглатываю, держа слезы. В таком отчаянии, как сейчас, я еще никогда не была, и у меня только один шанс. Единственный.

– Ты понимаешь, куда пришла?

Бандит смотрит на меня серьезно, строго, но говорит как с равной, вообще не сюсюкается, как с ребенком, что, конечно, радует.

Мне этого хватило на похоронах мамы, а затем и бабушки. Соседки сочувствовали, тогда как мне от этого еще хуже становилось.

– Да. Вполне, – отвечаю, не особо понимая, если честно, куда я пришла, но уж совсем глупой казаться не хочу. Это заведение похоже на какой-то большой клуб, именуемый Вадиком “кублом бандюганов”. Клуб или бар, но судя по обстановке, это место для очень богатых людей.

– Имя.

– Ангелина Котова.

– Завтра в семь чтоб здесь была, Ангелина Котова, – мрачно заключает Бакиров и уже не смотрит на меня, а я от волнения даже “спасибо” сказать забываю.

Серый куда-то выходит, а тот второй мужчина, Тоха, меня до выхода провожает, помогая открыть эту тяжеленную железную дверь, и, только оказавшись на улице, я могу вдохнуть, переваривая сказанное этим страшным человеком Бакировым.

Моя затея сработала, он дал мне работу, вот только проблемка есть...

Я так волновалась перед этим бандитом, что даже забыла спросить, на какую именно работу он меня взял, и, судя по тому, какие полуголые девушки танцевали у шестов в этом клубе, что-то моя затея уже не кажется мне такой невинной.

– Так а когда там первая поставка, я так и не понял?

– Через месяц. Первая партия. Смотри, Тоха, чтоб на этот раз без косяков! Архипов и так уже в спину дышит, сука. Нам, а не Туру. Улавливаешь разницу?

– Ага, да я знаю. Его ищейки уже заебали ходить за нами. Ладно, пацанов подтяну, сделаем как надо.

Тоха поднимается, хрустя шеей, тогда как я откидываюсь на кресле, закуривая.

– Что, Тоха, Людмила заездила?

– Иди ты! Я, в отличие от тебя, серьезно настроен. Предложение буду делать.

– Ну-ну. Хоть месяц продержись без телки на стороне, жених, блядь.

– Да ладно тебе. Кстати, да, что с девочкой той делать?

– С какой девочкой?

Затягиваюсь сигаретой, чувствуя, как дым заполняет легкие. День был тяжелым, и голова забита совсем не тем, чем надо.

– Ну с той. Сегодняшней. Мелкой.

Вспоминаю ее, выдыхая дым. Странная упрямая девка, девочка даже. Молодая уж больно, зеленущая просто.

– Алене поручи. Валентина заболела. Поставьте смену раньше этой сопле.

– А раньше-то зачем?

– Ты видел ее? Позже она спать будет.

Тоха выходит, и я откидываюсь на кресле, прокручивая четки в руке. Ангелина Котова. Какой же идиот посоветовал тебе прийти сюда? И не скажешь, что бродяжка, и близко нет, судя по речи – домашняя, не уличная точно.

Эта мелкая была просто одета, волосы собраны в толстую длинную косу. Ни грамма грязи и косметики, что даже удивило. Глаза огромные, то ли голубые, то ли серые, длиннющие кукольные ресницы. Она на меня почти не смотрела, что, конечно, забавляло, и стоило бы ее выгнать отсюда взашей, если бы эта мелочь не начала упрямиться.

Гордая и глупая, это ее и спасло.

Ангелина Котова. Ее голос дрожал, когда лепетала, что ей шестнадцать.

Она приперлась одна, вот только я прекрасно понимал, в каком именно месте она хочет работать, и поставил ей срок – один день. Больше здесь она не продержится.

Глава 3

Подрываюсь сегодня на час раньше. Выпив чая с малиновым вареньем, смотрю на выюгу за окном. Я все еще живая. Даже странно. В первые дни думала, что умру от горя, а потом все как-то притупилось. В школу надо было ходить каждый день, и вот я хожу, учусь, потому что маме обещала. И самой себе.

Я думала раньше, что живу в какой-то сказке. У меня были мама, бабушка, которые меня любили, но пробыли со мной недолго. Мама болела долго, умирала страшно, а бабушка ушла быстро следом за ней, оставив в моей груди огромных размеров дыру и страх будущего. Теперь же, когда я осталась одна, моя сказка разбилась, и я поняла, что никому не нужна в этом мире. Все люди, точно волки, так и норовят друг друга загрызть. За все, даже за кусок хлеба и, наверное, особенно за него.

Беру кошелек, пересчитываю деньги. Негусто и даже очень, у меня остается немного на еду, на проезд и на булочку в школу на две недели. Хотя, если не брать булочку, то на месяц на проезд будет. Выбор очевиден.

Мне нечего продать. Свои любимые сережки и цепочку золотую я уже заложила, когда хоть как-то пыталась сама похороны организовать. Не знала, правда, толком, что делать, благо соседка баба Шура помогла.

Помню, я тогда так плакала по маме, а потом и по бабушке через неделю, что даже вспоминать об этом не могу. Болит до сих пор. Сильно.

Когда я говорила тому страшному бандиту, что мне нужны деньги, я не врала. Мне они очень нужны, потому что иначе я просто не выживу и меня заберут в детдом, а туда я не хочу, ведь одно только понимание того, что кроме семьи я лишусь и своего дома, загоняет клинок в сердце.

В школе, к счастью, все уже забыли о моей трагедии. Я не люблю об этом вспоминать, поэтому, едва заканчиваются уроки, возвращаюсь домой и собираюсь на свою первую в жизни работу.

Я не знаю, какой она будет, но надеюсь, что смогу продержаться хотя бы немного. Мне нужно на курсы подготовительные насобирать, да и за квартиру платить тоже нужно. Остальное уже как-то перебыюсь.

Добираюсь до этого клуба в потемках, постоянно оглядываясь назад, но ровно в семь вечера я уже на месте. С трудом открываю эти тяжелые железные двери, и на этот раз охранник Влад на входе меня пропускает спокойно, отходя в сторону.

Окидываю взглядом зал. Могу нормально рассмотреть его, так как вчера от волнения мало на что смотрела, кроме своих рук.

Я нахожусь в большом помещении клуба. По центру сцена с шестами, вокруг нее столики расставлены. Никто сейчас не выступает, играет только приглушенная музыка, и совсем нет гостей.

Кажется, уже слишком поздно или скорее даже рано, судя по тому, что это похоже на ночное заведение.

– Ты, что ли, новенькая? – из пучины мыслей вырывает чей-то голос, и, резко обернувшись, я вижу молодую женщину. Брюнетку. Лет тридцать ей, наверное, строгая, с черными глазами.

– Я.

– Как зовут?

– Ангелина, а вас?

– Алена. Так, ладно, времени нет. Иди переодевайся и приступай, пока клиентов еще нет. У тебя два часа.

Она деловито проходит мимо, тогда как я даже не знаю, на какую должность меня взяли.

– Алена, подождите!

– Ну что еще?

– А где мой кабинет или что... что мне делать?

– Кабинет? Ты что, с луны свалилась? Вон ведро и тряпка, швабра у стены. Это твоя работа, девочка, и смотри мне, чтобы все блестело! – усмехаясь и смотря на меня как на дуру, отвечает Алена.

Быстро затыкаюсь. Вот кем меня нанял тот страшный бандит Бакиров. Уборщицей...

Быстро поглядываю на часы. Уже семь пятнадцать, и я только-только надеваю форму уборщицы. Она значительно больше, чем мой размер, поэтому мне приходится обвязаться каким-то найденным в раздевалке поясом, чтобы хоть как-то собрать этот ужас в кучу, но все равно выходит жутко.

Эта одежда висит на мне, как пакля, но, стиснув зубы, я хватаю ведро и швабру. Не хочу в первый день напортчить. Полное ведро воды, правда, едва поднимаю. Оно тяжелое для меня, но я стараюсь. Мне нужна работа, и эта вполне сгодится.

Вымыв весь коридор, пробираюсь в большой зал. Только теперь понимаю, что он разделен. Кроме центрального зала здесь есть еще маленькие отдельные комнатки, и, заглянув в одну из них, обнаруживаю там крошечную сцену, бархатный красный диван и столик. Это ВИП-зоны, судя по более дорогой отделке, они специально закрыты от общих глаз.

Вымываю большой зал, сцену, вычищаю ковры. С непривычки ноет поясница, очень мерзнут руки от холодной воды.

– О-о, манюня, приветик! – за спиной раздается скрипучий голос, который я тут же узнаю. Оборачиваюсь и узнаю того самого парня, который тогда затащил меня в клуб. Он не особо высокий, щуплый, с холодными серыми глазами и коротким ежиком.

– Здравствуй... эм? – подбираю слова. Как же его зовут...

– Серый, ну или для тебя просто “Сереженька”.

– Привет.

Беру свое ведро и тащусь от него подальше, но этот парень резко мне дорогу преграждает.

– Ты куда?

– Я работаю. Отойди.

– Давай помогу.

Тянет ко мне руки, но я отхожу от него.

– Нет, спасибо. Дай мне пройти!

Поглядываю на часы. Девять. Руки уже окоченели, потому что вода холодная в ведре. Теплой не было, а подогреть Алена не разрешила. Покрутила только у виска и отправила дальше мыть полы.

– Ты че борзая такая, а, детка? Надо проще быть, тут по-другому не выживешь.

– Не мешай мне. Пожалуйста, – обходя его, бубню себе под нос. Серый какой-то скользкий, словно змееныш, неприятный, отталкивающий меня.

– Ну-ну. Убирай. Полотерка.

– Не надо!

Я аж рот открываю, когда в следующий миг Серый подходит и опрокидывает ведро с водой ногой. Уходит, презрительно усмехнувшись и свысока смотря на меня.

Вся мыльно-грязная вода из ведра тут же выливается, заново пачкая только-только старательно вычищенные мной ковры.

На глаза слезы наворачиваются, но я быстро вытираю их рукой. Еще плакать тут не хватало, и это в первый рабочий день!

Тяжелая входная дверь хлопает, и я вижу, как в зал начинают первые гости заходить, а у меня тут море целое, лягушек только не хватает! Я стою на коленях, пытаюсь тряпкой вымокать эту жуткую ледяную воду, которой тут целая лужа.

– Ого! Трубу прорвало или как? – слышу грубые мужские голоса, а после замечаю и вошедших мужиков. Двое. Взрослые высокие бугаи. Тот, что слева, чуть больше в плечах, с заметной цепью на шее.

– Фил, тут, похоже, кое-что похлеще прорвало, – ржут, но шутки эти я не понимаю.

Громила с цепью на шее подходит ко мне, и вскоре я чувствую, как талии касается его тяжелая мужская рука. Резко вскакиваю с пола.

– Не трогайте!

– Привет, цветочек. Ты кто такая у нас?

– Лина.

Пячусь назад от этого головореза, потому что иначе его просто не назвать! Высокий, сильный, взрослый мужик. Он надвигается на меня, как хищник, и вскоре я оказываюсь вплотную прижата к стене.

– Линусь, че пугливая такая, а? Жуткий какой балахон на тебе, а под ним что?

От него пахнет одеколоном и почему-то женскими духами. На белой рубашке замечаю след от красной помады.

Боже, я такого в жизни не испытывала. От страха все боевые приемы забываются, и я начинаю задыхаться, когда этот мужик касается меня за талию, зажав прямо у стены.

– Нет, пустите... нет!

Глава 4

Я не вкуриваю сразу, откуда этот жалостливый скулеж, пока не выхожу из кабинета. Звук явно исходит откуда-то из зала, создавая ощущение, словно какого-то кота прижали, но, зайдя в зал, я понимаю, что нет.

Девчонка. Та самая чудная. Она скулит, пока прямо сейчас Хаммер ее зажимает у стены, и стоны эти вообще не похожи на то, что ей нравится.

– Что здесь происходит? – рычу, Хаммер тут же останавливается, и, подойдя ближе, я вижу ошарашенную соплю и этого черта, довольно ухмыляющегося.

– А че? Мы просто знакомились.

– Ты попутал? Это уборщица моя, а не девка на заказ.

– Бля... Ну так бы сразу сказал! Черт ее знает, чего она на коленях тут ползает. Эй, заюнь, ты че, испугалась? Я ж познакомиться хотел.

Перевожу взгляд на мелкую. Походу, знатно ее Хаммер шуганул. Глазища по пять копеек, трясется как заяц, дрожит. И не голубые у нее глаза, оказывается, а изумрудные, зеленющие просто.

– Леха, отъебись. Ты, – смотрю на нее, – в мой кабинет. Живо.

Малая вытирает слезы и, опустив голову, семенит в коридор, тогда как я машинально тянусь к сигаретам. Взял на свою голову малолетку. Знал же, будет с ней один только геморрой. Знал!

– Какая она... хм, юная и сладенькая. Откуда ты ее откопал, Бакир?

– Не твое дело. Ты пришел отдыхать – отдыхай. Девочки скоро выйдут. Смотреть можно, лапать нельзя! Сто раз уже говорил!

– Да понял я, понял.

Иду в кабинет. Мне нужно избавиться от этой проблемы, и чем скорее, тем лучше.

Быстро вдыхаю воздух, перевожу дыхание, стараясь унять бешено бьющееся сердце. Я должна быть взрослой и спокойной, уверенной.

Семеню за Бакировым, так как он шагает быстро и я едва за ним успеваю.

Щелкают ключи, бандит открывает кабинет.

– Входи.

Проскальзываю внутрь, оказываясь в жутко накуренном помещении. Горло тут же скручивает спазмом, и я не выдерживаю, закашливаюсь. Машу рукой перед лицом и вижу, как Бакиров открывает шкафчик и достает оттуда деньги. Крупные купюры. Кладет на стол, протягивает вперед огромной грубой ладонью, покрытой какими-то непонятными для меня татуировками.

– На. Твое.

Осторожно подхожу ближе. Этого мне на неделю хватит нормально поесть, вот только я не понимаю, почему зарплата так быстро.

– Я только первый день работаю. Я еще не заработала.

Перевожу взгляд на этого бандита и с карими глазами его встречаюсь. Темными, как жареный кофе, страшными, серьезными. Чтобы смотреть на него близко, приходится высоко заирать голову.

– Нет, ты не поняла. Бери бабло и вали. Тебе здесь не место, – чеканит строго, а я почему-то обхватываю себя руками. Слезы выступают на глаза, но я упорно их держу. Не хватало тут еще плакать перед ним. Еще чего.

– Как вас... по-отчеству?

– Александрович.

Бакиров садится в кресло, закуривает, сжимая ладони, и я невольно взгляд на них бросаю. Он может убить такими руками. Как медвежьи лапы они, огромные, грубые, татуированные.

Рубашка его тут же натягивается, и я замечаю черные волосы на его груди, выглядывающие из расстегнутой верхней пуговицы у смуглой шеи.

– Михаил Александрович, не прогоняйте! То, что было в зале, – случайность.

– Тебя там чуть не выебали. Это тоже случайность?

– Я бы смогла за себя постоять! Я вовсе не слабая и сама могу справиться с проблемами! Могли бы и не защищать меня от того... Хаммера!

– Предки твои где? – игнорируя мои попытки оправдаться, спрашивает Бакиров серьезно. Без права как-то увильнуть или солгать. Почему-то я не могу врать при нем. Он так смотрит... как сканер, насквозь просто!

– Мама умерла. Папы я не знала.

– Родственники?

– Бабушка была. Умерла, – отвечаю честно, опустив голову. Смотреть прямо на него страшно, если честно.

– Давно одна?

– Два месяца. Слушайте, я не жалуюсь, мне просто нужна работа!

Не вру, это правда, да и смысл какой лгать.

– Бери бабло и вали.

Кивает коротко на купюры, а я с места сдвинуться не могу. Это же значит, что я больше не смогу прийти, а без работы я не то что на подготовительные курсы не набираю, мне даже за проезд нечем будет платить.

– Я не уйду никуда.

Заставляю себя поднять голову. Смотрю прямо на него, пытаюсь выглядеть смелой, тогда как внутри дрожит каждая жилка перед этим огромным взрослым мужчиной.

– Ты борзая, ты знаешь это?

– Мне нужна эта работа, очень! Я не возьму деньги, и то, что было в зале, больше не повторится.

Бакиров криво усмехается, будто я несу какую-то ерунду, словно жужжу у него над ухом, раздражаю. И у него вовсе не милая улыбка. Оскал как у зверя – хищный, дикий.

– Будешь валить до прихода посетителей и не создавать мне проблем. Еще один косяк – и вылетишь отсюда. Усекла?

Улыбаюсь. Счастья полные штаны.

– Да, я поняла. Спасибо! – заверяю бандита и на радостях выскакиваю из кабинета, приложив дрожащие ладони к сердцу.

Это мой шанс! Бакиров позволяет остаться! Михаил... Александрович, точнее. Сразу его имя запоминаю, мгновенно просто.

На часах полдесятого, и, когда я вхожу в зал, моя челюсть очень быстро валится на пол, так как я замечаю полуголых женщин, откровенно танцующих на сцене у шестов, и явно выпивших огромных мужиков, голодно смотрящих на них.

Отовсюду валит музыка, чувствуется запах сигарет и крепкого алкоголя, дорогой вкусной еды.

– Лина, сюда! – шикает мне Алена и быстро забирает меня из зала. Кажется, теперь я понимаю, о каких проблемах меня предупреждал Бакиров. Здесь же просто логово разврата и пьяных мужиков!

– Что-то еще нужно?

– Ничего уже, много народу пришло. Хоть ковры ты и вычистила, мне самой твой потоп пришлось убирать!

– Извини, я... случайно ведро перевернула.

Поджимаю губы. Незачем на Серого жаловаться, какой смысл, да и работаю я тут первый день. Ему поверят скорее, а не мне.

– Извинения на хлеб не намажешь. Ладно, давай шуруй домой. Завтра придешь раньше. Отработаешь сегодняшний косяк.

До дома я добираюсь только в одиннадцать ночи. С непривычки болит все тело. Не то чтобы я в квартире не убиралась, но не в таких масштабах. Сегодня я вымыла весь клуб, вынесла мусор и вычистила каким-то вонючим порошком ковры.

Кажется, Алена была довольна, хоть и отчитала меня за пролитую воду, чего не скажешь о Бакирове. Он так смотрел на меня тогда в кабинете... как на мошку, которую хотел прихлопнуть.

У Михаила Александровича такой тяжелый взгляд, точно как у медведя! Такой и правда может прихлопнуть, не задумываясь, но тогда почему он спас меня сегодня? Я так испугалась того высокого Хаммера, хотя, если честно, появление Бакирова испугало меня даже больше.

Попужинав постным супчиком, я ложусь спать, чувствуя, что кожа на обеих руках от непривычки стала дико сухой, потрескалась, а еще жжет. Сильно.

Глава 5

– Ай, мамочки... Как же больно!

Я вскакиваю среди ночи от жуткой боли в руках. Их жжет, и, включив свет, с ужасом обнаруживаю, что кожа сильно покраснела и потрескалась, аж до крови. Блин, надо было все же перчатки надеть, не трогать тот едкий порошок, не втирать его в ковер, а я так спешила, что просто забыла о перчатках, оставив их в раздевалке.

С трудом сжимаю ладони. Как я сегодня буду полы мыть вечером, если с трудом могу согнуть пальцы... Ладно.

Перерываю аптечку дома, но нужной мази не нахожу, поэтому, выпив простой анальгетик, собираюсь в школу. Сегодня реферат сдавать по биологии, и я не могу запустить учебу. Мне нужен высокий проходной балл в универ, и это на первом месте. Я хочу стать врачом, кардиологом, и ради этого можно и полы помыть, лишь бы на курсы денег хватило. Их тоже уже нашла, но они жутко дорогие, поэтому пока что учебники – это мой единственный шанс на подготовку.

Боль немного притупляется, но утром приходится перемотать руки сухим бинтом, потому как даже малейшее движение отзывается жуткой болью, но, к моему ужасу, уже под конец дня бинты промокают от вздувшихся пузырей.

Вернувшись из школы, я со слезами на глазах меняю бинты. Мне нужно лекарство, вот только у меня нет на него денег. Совсем, и я надеюсь, что этот химический ожог пройдет сам по себе. Как-то.

В клуб прихожу раньше, как и обещала. Алена уже со списком заданий, и я только и успеваю запомнить, что нужно убрать сегодня.

– Что с руками?

Она бросает пристальный взгляд, и я резко опускаю ладони, пряча их за большим вязаным свитером.

– Ничего. Нормально все. Так, обожгла немного.

Вру, не хочу, чтобы она подумала, будто я намереваюсь от работы слинять. Почему-то ей врать я могу, в отличие от Бакирова.

– Хорошо, Лин, приступай. Вчера парни знатно повеселились. У Фила день рождения был. Он проставлялся, не совсем удачно. Думала, его прибудут, но обошлось.

– Фила?

– Да. Тот кудрявый, помнишь? Фил, ну или Андрюха. Философ.

– А почему философ? Мудрый?

– Занудный, вечно жизни поучает. Так, ладно, убирать много. Времени не теряй. Стекла, правда, много. Смотри осторожно.

– Поняла.

Быстро переодеваюсь и теперь уже надеваю перчатки, кривясь от жуткой боли. Это была моя ошибка, мне и расхлебывать теперь.

Зайдя в зал, мельком вижу Бакирова, и, как только набираюсь смелости, чтобы поздороваться, он просто проходит мимо! Я улавливаю лишь раздражение в его взгляде. Похоже, он не рад меня видеть. Думал, наверное, что я слабая и не приду, тогда как я не собираюсь так просто сдаваться!

Вымываю полы в большом зале, убираю стекло, выношу едва подъемные пакеты мусора. Да уж, увидела бы мама меня в таком виде, перекрестилась бы, наверное.

Тех мужчин вчерашних, что напугали меня, сегодня нет, как и того мерзкого Серого, поэтому я чувствую себя чуть более свободно в этом логове зверей.

Сегодня уборка идет лучше. У меня даже прилив сил появляется, однако где-то через час мне становится холодно, а после и жутко жарко.

Руки сначала очень сильно болят, однако после мытья полов я их уже просто не чувствую. Пробую пальцами пошевелить и не чувствую, а еще... в какой-то момент мне становится дурно, перед глазами все плывет, и, оперевшись о стену рукой, я медленно опускаюсь на пол.

– Договорился, проблем не будет?

– Да нет, не должно. Готовят уже. Брака не должно быть. Обкатаем первую поставку, а потом уже большие партии можно.

Затягиваюсь сигаретой, кивая Тохе, но перед глазами на секунду та мелкая всплывает. Как она занятно кашляла от дыма, глазища ее изумрудные еще сильнее слезами наполнились, губы от волнения покраснелись, как и щеки. Кукла самая настоящая.

Одно только не понимаю, какого черта она тут забыла. Неужели не могла нормальную работу найти? Где угодно, но не здесь.

Малая стремалась попасть в детдом – и верно делала. Такая доморощенная тепличная кукла там бы просто не выжила. Ее бы сломали. Менее чем за неделю. Я бы сам ее сломал, я знал законы здешних мест отлично, так же как и Тоха, Фил, Хаммер. Последний, правда, домашним был, но только по бумагам. Мы как волчары дикие росли, выгрызая себе кусок мяса, не боясь ничего и никого.

Сегодня, думаю, малая не придет уже, так нет, приперлась, притом видно, старается. Святая невинность, мать ее.

Стук в дверь заставляет отвлечься.

– Михаил Александрович, можно вас на секунду?

Алена. Обычно не приходит без надобности, а если и является, то точно какое-то дерьмо в зале происходит.

– Что?

– Да девчонка та. Новая наша уборщица...

Алена руки как-то мнет, ее глаза взволнованно бегают.

– Свалила?

Хоть бы да. Веселее бы стало. Такой чудной и упрямой девки я еще не видел. Одни проблемы, походу, от нее.

– Да нет, она это... убирала, все вроде нормально было, а потом резко упала, будто подкоило ее. Без пяти уже, сейчас Влад дверь откроет, а она там в зале лежит. Я бы скорую вызвала. Или как? Михаил Александрович, что делать с ней?

Переглядываемся с Тохой.

– Не смотри так на меня, Бакир. Ты сам ее нанял. Не я.

Черт.

Поднимаюсь и иду в зал. Влад уже названивает, а это значит, толпа под дверьми и пора начинать.

– Где она, показывай.

– Вон там...

В углу замечаю собрание. Девчонки танцовщицы уже в костюмах в клубок сбились, и я понимаю, что из-за этой сопли мы только теряем время.

– Ой, Михаил Александрович, вы здесь...

– Расступились все. Идите работать!

Тоха разгоняет их, и только тогда я вижу куклу. Она лежит на полу, спиной упершись в стену. Белая, как эта самая стена. На ней какой-то жуткий балахон, а не форма. Явно больше по размеру раза так в три.

Наклоняюсь к ней. Длинные русые волосы в тугую косу заплетены и выбились немного, кожа белоснежная, маленький курносый нос, губы пухлые, ресницы пушистые русые.

Точно как кукла, и сейчас она не шевелится. Совсем.

Присматриваюсь ближе. Под наркотой? Хрен ее знает. У нас все было, сказать бы только, чего тут не было.

Убираю волосы, прикладываю ладонь к ее шее. Хочу услышать пульс. Выглядит малая хреново, и это еще слабо сказано. Бледная, как поганка лесная, дышит тяжело и слабо.

– Ну что, боже, умерла?! – Алена шепчет под руку.

– Алена, типун тебе на язык! – кричит рядом стоящий Тоха, поглядывая на часы.

Под пальцами улавливаю стук. Есть пульс. Она просто сознание потеряла.

– Нет, живая. Эй, просыпайся.

По щеке девочку хлопаю. Не сильно, пару раз, тут же ощущая нежность прозрачной кожи.

Кукла глаза медленно открывает и смотрит на меня затуманенным взглядом. Невольно отмечаю, что она сильно горячая, точно кипятилок, и одного только не понимаю: почему я должен с ней возиться?

– Живая?

– Да.

Смотрит на меня соловьиными глазами, отвечает так тихо, что приходится наклониться к ней ближе и невольно вдохнуть запах. Яблоками пахнет. Сладкими.

– Хорошо. Так, Тоха, займись ею.

Поднимаюсь.

– Я? Не-ет!

– В смысле? Ты охренел?! Я еще буду тягаться с этой? Кто мой заместитель, мать твою?

– Бакир, меня Люда ждет! Она загрызет меня, если я снова вовремя не вернусь. Я пошел, да и живая эта, смотри, уже даже моргает.

– Тоха, ты меня заебал уже со своей Людой! Первый и последний раз. Иди.

Отпускаю его. Перевожу взгляд на малую.

– Какого черта с тобой было?

Пытаюсь хоть что-то понять, но девка не спешит говорить. Как ежик вся сжалась и даже не смотрит на меня. Вижу только, что она как-то руки к себе все время прижимает, и тут я понимаю, что что-то тут не то.

– Все нормально... – лепечет сухими губами, тяжело дыша, и тогда я хватаю ее за руку и сдираю перчатки, слыша истошное мяуканье малой.

Она пытается отбиться, но ее слабые трепыхания ничто по сравнению с моей силой.

– А-а-ай! Пустите!

– Тихо, я сказал!

Ладони у нее маленькие, пальцы тонкие, горячие. Задираю ее свитер до локтей.

Просто хочу проверить, не наколота ли она, и нет, на белой коже следов иглы нет, однако то, что я вижу, мне совсем не нравится.

Обе ее руки в бинтах, которые съехали, а под ними я замечаю жуткие красные пятна.

– Твою мать!

Ожоги. Хреновы ожоги на обеих руках. От химикатов.

Кукла при этом дергается и начинает скулить, пытаясь убрать из моих рук свои ладони.

– Михаил Александрович, там толпа скоро дверь вынесет, что делаем?

Влад заходит в зал, и я понимаю, что времени тянуть больше просто нет, тогда как эта лялька даже встать сама, походу, не может.

– Сюда иди.

Знатно чертыхаясь про себя, я подхватываю эту соплю на руки и быстро уношу из зала.

Глава 6

Я прихожу в себя от каких-то грубых хлопков по щеке и, открыв глаза, замираю. Кажется, я сижу на полу, тогда как прямо возле меня наклонился Бакиров. Близко, очень близко ко мне.

Рядом почему-то стоит Алена перепуганная, Анатолий, а еще... Михаил Александрович мои руки в своих огромных ладонях держит. Крепко, намертво просто.

Я хочу встать, но боль в руках такая сильная, что я даже плакать не могу. Боже, сегодня второй день, как я тут работаю, и, похоже, он же и последний.

Если честно, мне хочется под землю от стыда провалиться, когда этот бандит руки мои при всех осматривает, зачем-то задрал свитер до самых локтей. Бакиров строго так смотрит, пристально, не давая и шанса вырвать руки из его огромных лап, и почему-то знатно чертыхается, когда видит мои ожоги. Его взгляд темнеет, и я сжимаюсь в тугой комок у стены, однако уйти мне никто не дает.

– Иди сюда.

Я не понимаю, что происходит, пока в одну секунду Михаил Александрович меня на руки не подхватывает, просто как пушинку! Он делает это с легкостью, тогда как я начинаю паниковать. Этот мужик просто огромный по сравнению со мной, и еще он меня куда-то несет, и уж точно не на выход.

– Не... нет!

– Цыть. Не пищи.

Его руки словно из стали сделаны, и, как я ни стараюсь вырваться, Бакиров сильнее. Он держит меня, подхватив под колени и за спину, несет, прижимая к себе, точно медведь. У меня нет ни шанса, ни одного.

Невольно запах его вдыхаю, оказавшись близко к груди. Сигареты и мускус, очень приятный мужской одеколон. Хвоя и крепкий кофе. Застываю. Боже, что делать, куда он меня несет...

Звонят ключи, и вскоре дверь открывается.

Михаил Александрович меня в свой кабинет заносит. Я понимаю это сразу по стойкому запаху кофе и сигарет в этой комнате. У стены черный кожаный диван стоит, на который он меня усаживает, как куколку.

Алена следом заходит, прикрывая дверь. В ее руках какая-то коробка, а у меня слезы в глазах, хоть я и стараюсь выглядеть спокойной.

Руки невыносимо уже просто болят, и я бы разревелась в голос, если бы была одна, а так стискиваю зубы.

Терплю, не хочу, чтобы они видели мою слабость, особенно Бакиров, который и так уже, похоже, едва сдерживается, чтобы меня не выкинуть отсюда.

– Ален, обработай и валите.

– Я? Вы что, нет, я крови боюсь, Михаил Александрович!

– Я пойду...

Срываюсь с дивана, но тут же жалею об этом.

– Сидеть!

Нет, не просьба. Приказ, заставляющий меня обратно сесть на диван и притихнуть от громового низкого баритона Михаила Александровича.

Дышу через раз, особенно когда Алена выходит и я остаюсь наедине с этим бандитом. Тут же вспоминаю слова Вадика. Не смотреть на Бакирова, а то он взбесится, может даже ударить!

Вперяю взгляд в пол и слышу только, как мужчина стул берет и подходит ко мне. Близко, слишком близко.

Замечаю в его руках эту самую коробку, которую он быстро открывает, а там медикаменты. Бинты, мази разные, жгуты, таблетки. О, это как раз то, что мне надо.

– Давай руки сюда.

– Зачем?

– Обработать надо, не то снова свалишься.

Поджимаю губы. Он все же думает, что я слабая, а я не слабая! Я сильная и самостоятельная уже давно!

– Не свалюсь. Я сама могу обработать! Я буду на врача учиться.

Поднимаю взгляд и сразу жалею. Бакиров смотрит прямо на меня в упор своими карими темными глазами. От него аж валит эта сила и опасность, которая меня до жути просто пугает.

Прижимаю руки к себе. Отодвигаюсь чуть дальше на диване от него. Не хочу, чтобы касался меня, мне страшно. Он выглядит как какой-то бешеный медведь, огромный и жуткий, весь в этих своих татуировках. Ужас.

– Врач, значит. Ну-ну.

Тут же в меня летит эта самая аптечка, которую я ловлю на лету, шипя от боли в пальцах. Отлично. Мне как раз надо практиковаться!

Бакиров поднимается, идет к столу, садится в большое кресло, закуривает. Я же хватаю эту коробочку и быстро в ней шарю. Не аптека, конечно, но мазь все же одну нужную нахожу. Противовоспалительная сильная и должна мне помочь.

Разматываю бинты на руках, осторожно поглядывая на бандита. Он сидит напротив и курит, тогда как я начинаю кашлять. Едкий дым забивается в нос, и горло от этого жутко першит. Про проветривание комнаты, похоже, тут никто не слышал, так как окно тут всегда закрыто.

Кашлю снова и снова, машу рукой перед лицом, пытаюсь высушить выступившие от дыма слезы, и тогда Михаил Александрович недовольно тушит явно недокуренную сигарету.

– Спасибо. Так гораздо лучше.

– Тебя в теплице вырастили? – спрашивает на полном серьезе.

– Нет, просто дым очень едкий. Вы всегда только курите?

– Да, – чеканит коротко, мрачно.

– Почему? Это же вредно для здоровья!

– Жить тоже вредно для здоровья.

Поджимаю губы. Похоже, Бакирова не переспоришь, да и бесить его не хочется. Судя по тому, как он смотрит на меня, я его уж больно сильно раздражаю. Я бы могла ему целую лекцию про вред курения прочитать, да вот только боюсь, этому бандиту мои доводы не полезнее подорожника ко лбу будут.

– А-ай!

Шиплю от боли. Каждое движение пальцами аж в голову ударяет, и кажется, я переоценила свои силы, когда говорила, что смогу перевязать руки сама. Если бы хоть одна была повреждена, а так обе...

– Быстрее, – чеканит Бакиров, и я теряюсь. Мазь-то я нанесла, но, как ни стараюсь забинтовать руки, не могу. Боль просто адская, да и неудобно.

– Сейчас...

Мучаюсь еще минуту, и кажется, Михаил Александрович теряет терпение. Сжимаюсь вся, когда мужчина поднимается и молча подходит ко мне. Он не говорит. Просто берет стул и садится напротив.

– Дай сюда руки.

– Я сама могу!

– Сиди уже, блядь, не дергайся.

Разрешения никто не спрашивает, и уже через минуту Михаил Александрович с легкостью забинтовывает обе мои руки, притом с ловкостью хирурга. Я же даже не двигаюсь и, честно говоря, дышу через раз.

Мельком только поглядываю на Бакирова. Он, конечно, страшный, но не урод все же. Жуткий просто какой-то, brutalный, строгий, грубый. Я обласкана любовью только мамы и бабушки, и мне всегда в присутствии мужчин страшновато и неловко, однако рядом с Михаилом Александровичем это чувство умножается раз так в сто.

Я просто не могу быть спокойной рядом с ним, у меня аж сердце замирает, когда прямо сейчас он перематывает мою небольшую ладонь, держа ее в своей огромной лапе.

У Бакирова черная рубашка на груди расстегнута на две пуговицы и открывает вид на мощную смуглую шею. Закатанные до локтей рукава показывают сильные волосатые руки с крупными ладонями с обилием татуировок. Они начинаются на фалангах грубых пальцев, проходят по ладоням и, словно ветки, окутывают его крупные кисти. Что изображено на этих рисунках, не знаю. Какие-то знаки, кресты, картинки.

У Михаила Александровича теплые руки, огромные, грубые, но больно он мне не делает.

Сглатываю. Такой бандит может одной левой меня прихлопнуть, однако почему-то прикосновения его мне не противны. Заставляют только трепетать перед ним, и сейчас я вся сжимаюсь, боясь даже пошевелиться.

Невольно отмечаю, что у Бакирова нет кольца на безымянном пальце, но на левой руке есть крупный золотой перстень. Странно, почему он не женат. Он же значительно старше меня. Где его семья?

Михаилу Александровичу тридцать шесть. Ира, официантка, сегодня рассказала, а это значит, у нас двадцать лет разницы. Целая жизнь...

Бросаю взгляд на часы. Половина одиннадцатого ночи, и кажется, я прошелкала сегодня последнюю маршрутку, а мне в школу завтра. Блин.

– Иди на выход, малая, и жди меня там, – закончив бинтовать мои руки, бросает Михаил Александрович и поднимется, тогда как я сдвинуться с места не могу.

– Зачем?

– Со мной поедешь, – чеканит строго, а я застываю. Ох, мамочки, куда это с ним...

Глава 7

– Я никуда не поеду с вами. Я сама. Сама дойду.

Пячусь к двери, но Бакиров, точно хищник, закрывает ее прямо перед моим носом одним быстрым хлопком.

– Я сказал ждать меня у входа! – рычит на этот раз как-то более страшно, отчего я чувствую волну мурашек по спине.

– Хорошо, – лепечу, понимая, что вариант “нет” у меня попросту отсутствует.

Выхожу из кабинета Михаила Александровича и, просочившись мимо зала, полного посетителей, оказываюсь на улице. В лицо тут же дует холодный зимний ветер вперемешку с дождем, а я пытаюсь унять бешено бьющееся сердце.

Зачем он сказал ждать его? Не понимаю. И вроде я его знаю уже немного, однако то, что знаю, доверия не внушает от слова совсем.

– Садись.

Вздрагиваю, когда слышу его грубый голос за спиной. Бакиров выходит во все той же одежде, накинув сверху легкую кожаную куртку, которую почему-то не застегивает, когда на улице просто жуть как холодно! Кивает мне на машину.

Осторожно подхожу к этому монстру. Огромный черный тонированный джип. На таких только бандиты ездят, ну как и он.

Оказавшись в салоне, вдыхаю запах кожи и сигарет. Поглядываю мельком на мужчину. Сосредоточен и серьезен. Михаил Александрович быстро заводит машину, и мы выезжаем с территории клуба.

В салоне холодно, поэтому я сильнее кутаюсь в куртку.

– Где живешь?

– Подвезите до остановки. Дальше я сама, – бубню под нос. Мне как-то неловко с ним. Еще и в машине этой явно дорогушей. Да и страшновато, чего уж греха таить. Сейчас в лес завезет – и пиши пропало. У нас две девочки в школе исчезли. Так их никто и не нашел.

– Ты всегда такая упрямая или нашатырь в голову ударил?

– Всегда! Я сама могу справиться со своими проблемами. Мне не нужна помощь. Пожалуйста, довезите только до остановки!

Волнение выдает дрожь в голосе. Вокруг темно уже, а я одна в машине с этим бандитом еду. Неизвестно куда. Мамочки.

– Нет.

– Почему?

– Потому что такие, как ты, не должны шлаться одни ночами по нашему району. Адрес, малая, живо.

Поджимаю губы. Мне не нужна помощь. Все это время я отлично справлялась сама со своими проблемами.

– Полевая, 5. И я не малая!

Складываю руки на груди, а Бакиров почему-то усмехается. Это чего он надо мной смеется, а? Не знаю, но в этот момент я улыбку его вижу впервые. Завораживающую, хищную, но очень заразительную, поэтому невольно улыбаюсь в ответ.

Случайно встречаемся взглядами, и я его, конечно, не выдерживаю. Поджимаю губы, первая стыдливо опускаю голову, чтобы не смотреть на сильные руки Михаила Александровича, на суровое сосредоточенное лицо и просто чтобы не пялиться так открыто на него.

– А кто же ты?

– Ангелина!

Бакиров не отвечает. Вижу только, как сосредоточенно на дорогу смотрит.

Остаток пути мы не говорим, он молчит, а я от боли в руках стараюсь не разреваться, хотя мазь уже начала действовать, и мне становится чуть лучше.

Я думаю, что Михаил Александрович меня только в мой район завезет, но он довозит меня прямо до двери подъезда.

Как только выхожу, замечаю, что он тоже вышел.

– Я сама дальше.

– Нет, – заключает строго.

– Почему?

– В зеркале видела себя? Потому.

Сжимаю кулаки. Это типа оскорбление сейчас было или комплимент?..

– Вообще-то, я умею защищаться и вполне могу сама за себя постоять. Я вовсе не слабая и могу дать отпор любому! – выпаливаю, смотря прямо на него, однако уже в следующую секунду Бакиров хватает меня за руку, с легкостью заворачивает ее за спину и буквально прижимает к стене подъезда.

Он такой высокий, как гора, сильный, точно медведь, и злой. Злющий даже.

Испугаться мне не дают, и вот я встречаюсь с его дикими темными глазами. Впервые так близко, что сердце замирает.

Мне не больно, но и двигаться я не могу. Совсем. Бакиров зафиксировал меня намертво и теперь держит как куколку в своих сильных огромных руках.

– Давай, защищайся! Покажи, как ты сама даешь отпор! Любому.

Пытаюсь оттолкнуть его, но нет. Он такой сильный, что не то что ударить его, я вообще ничего не могу, а еще... я замираю. Мы на улице одни, я совсем беззащитна перед этим взрослым мужиком, и слезы тут же наворачиваются на глаза.

– Ну и что ты будешь делать, Ангел?

Ангел. Меня так никогда не называли, но мне нравится, как это звучит в исполнении этого сурового бандита. Даже очень.

Бакиров спрашивает, серьезно смотря на меня, после чего медленно расстегивает мою куртку, продолжая удерживать меня у стены, как какого-то слабого котенка. Я же пугаюсь. Этот бандит может сделать сейчас со мной что угодно, реально все, и я начинаю очень сильно бояться. Сердце словно вот-вот пробьет дыру в груди!

– Отпустите... Не надо, – говорю это сбивчиво, после чего Бакиров тут же отпускает меня, и только тогда я замечаю, как сильно дрожат мои руки.

– Никогда с взрослым мужиком девочка не справится. Тебя любой скрутит и выебет, даже пикнуть не успеешь! Не будь глупой, Ангел, усекла?

– Да.

Сглатываю, смотря на бандита. Он наглядно мне показал, что я просто сопли перед ним!

Мошка, которую Бакиров может уложить одним просто пальцем! Чувствую себя дурехой, и еще как-то стыдно немного, этот взрослый мужчина меня глупой считает, а это уже обидно, и даже очень.

Заходим в подъезд вместе. На третий этаж пешком. Михаил Александрович идет за мной, провожает до самой двери.

– Тут?

– Ага.

Открываю дверь и маюсь на пороге. Не знаю, что сказать. Поблагодарить надо, наверное, хоть и жутко неловко.

– Михаил Александрович...

Я едва губы распахиваю, когда в этот момент соседская дверь напротив приоткрывается, и оттуда появляется баба Шура, заставляя меня просто позеленеть от стыда.

– Кто это тут шастает? Линочка, ты, что ль? Ты что так поздно домой возвращаешься?
А вы...

Она тут же переводит любопытный взгляд на Бакирова.

– Это... Спасибо, что проводили, Михаил Александрович! – запинаясь, подбирая слова.

– Дверь закрой. Два выходных у тебя, – басит Бакиров, не дожидаясь моего ответа, разворачивается и быстро сходит по ступенькам.

– Спокойной ночи, баб Шур, – тараторю я и захлопываю дверь. Объяснять ей, с кем я пришла сегодня, нет никакого желания.

Оказавшись дома, прикладываюсь головой к двери.

Мне кажется, про Бакирова зря наговаривают плохое. Если бы он был плохим, то не стал бы мне руки перевязывать и до дома провожать. Он не может быть жестоким и страшным... наверное, врут все о нем.

Она еще более странная, чем мне показалось сразу. Эта мелкая реально как Ангел. Еще очень молодая, юная даже, неискушенная, чистая и наивная просто до мозга костей. Я не видел такого... никогда! Котова не похожа на моих кобр танцовщиц, она какая-то домашняя, что ли, блаженная просто.

Как она глазища свои зеленые округлила, когда услышала, что подвезу ее, и я прочитал в них неподдельный страх. Правильно, кукла, бойся меня, меня надо бояться. Однако каким же было мое удивление, когда эта мелкая вдруг осмелела и заспешила домой, и это ее “сама” уже изрядно доставало.

Я заметил, что в ней был характер. Пусть она еще девочка совсем, но было в ней что-то, бросающееся в глаза. Упрямство и непокорность. Она разозлилась, когда я назвал ее “малой”, а после, видать, застеснялась, улыбнулась, а я с трудом отвел от нее взгляд.

Вроде ничего особенного, лицо как у всех, вот только когда Ангел улыбалась, она краснела, опускала голову, а после губы поджимала, и я видел их! Маленькие ямочки на ее щеках. Они появлялись, когда девчонка смущенно улыбалась, делая ее действительно похожей на куклу.

Мелкая ехала тихо, максимально далеко отодвинувшись от меня и часто поглядывая исподтишка, тогда как я не понимал, какого черта вожусь с ней.

Ангел не казалась глупой, была задумчивой и часто молчаливой, но, блядь, эта ее зеленая наивность про защиту себя просто поражала, и тогда я просто не выдержал.

По приезде за секунду ее к стене у подъезда прижал, желая показать ее реальное положение в этой цепочке зверей, и тут же пожалел. Кукла меня испугалась, в глазах сразу слезы заблестели, губа нижняя начала трястись, и пальцами я ощутил, как сильно она задрожала.

Ну куда она лезет, девочка же совсем еще, а по подворотням да по кабакам уже шляется, самостоятельная, мать ее.

Сама, блядь, справится с кем угодно. Ну-ну, разбежалась уже. Я ее до двери самой довел, зная, что в подъездах часто поджидают, и от этой мысли почему-то сжались кулаки. С ней же вот даже возиться не нужно будет.

Она такая слабая, ее только толкни – и все, легкая добыча, даже силу применять не придется. С такой можно что угодно творить, однако одно только понимание того, что малую кто-то может тронуть, почему-то выбесило за секунду.

Я знаю прекрасно, что и в моем клубе может произойти что угодно, тогда как эта мелочь теперь там будет светиться каждый чертов вечер, действуя мне на нервы.

Глава 8

В эту ночь я плохо сплю. У меня все еще болят руки, но именно сегодня мне впервые снится он. Бакиров в образе огромного свирепого медведя, однако я так и не понимаю, то ли во сне он меня защищает, то ли сам хочет напасть, а еще... я его запах вспоминаю. Когда Михаил Александрович меня на руки поднимал, я уловила его запах, и он мне безумно понравился. Такой опасный, сильный, будоражащий меня и очень завлекающий.

Усмехаюсь про себя. Бакиров, наверное, просто не хотел пугать мною гостей, потому и забрал на руках из зала. Думал потом, видать, что я снова где-то под его клубом упаду, вот и подвез. Тогда почему аж до дома проводил, когда мог просто на углу высадить? Не знаю, но и спрашивать его не стала. Глупые вопросы, ни к чему они.

Проснувшись, быстро осматриваю руки. Выглядят чуть лучше, но все равно болят, однако пойти в школу все же решаюсь, так как знаю, что даже один день пропускать плохо.

У меня скоро должны курсы подготовительные начаться по биологии, а я до сих пор на них не насобирила, однако с зарплаты уже будут деньги, и тогда придется бегать еще и на курсы между школой и работой.

Вернувшись в обед, готовлю себе нечто вроде тостов. Было бы лучше, если бы у меня было мясо, колбаса, ну или хотя бы яйца, однако денег на эту роскошь уже давно нет. Запиваю сладким чаем с вареньем. Вроде сыта.

Пообедав, закрываю дверь и сразу же слышу щелчок позади.

– Линочка, здравствуй.

Ох, снова соседка. Как будто караулила меня, и не то чтобы я избегала ее, просто знаю, что сейчас будет расспрашивать, как обычно, а я не привыкла, чтобы в душу лезли. Особенно в последнее время, когда и так тошно.

– Здравствуйте, баб Шур.

Закрываю дверь, быстро намереваясь уйти, но куда там.

– Линочка, погоди. А что это за мужчина был с тобой вчера?

Поджимаю губы. Хоть что скажи, баб Шура это так перевернет, что в любом случае получится компромат.

– Так... знакомый, – выпаливаю первое, что приходит в голову, и тогда соседка неодобрительно качает головой.

– Ты, детка, не водись с такими знакомыми. Он намного старше тебя, вон какой взрослый бугай. У него ж на роже написано “бандюган”. Ты такая молоденькая еще, Линочка, не дай бог, обидит тебя.

– Нет, не переживайте, баб Шур! – уже сбегая по ступенькам, отвечаю я, вспоминая, как Бакиров мне руки вчера перевязывал. Думаю, все же наговаривают на него. Не может Михаил Александрович быть плохим. Ну не может же! Он только с виду страшный, наверное.

На улице опять мороз, но куртку себе новую я так и не покупаю. Жду весну, денег на такие вещи нет, однако я не жалуюсь. В последнее время на улицах все чаще стали появляться беспризорники и разного рода бедолаги, поэтому у меня еще куда ни шло дела, хотя бы квартира собственная есть.

Я сильная, взрослая, и я справлюсь. Я так думаю, потому что мне так проще. Потому что мысли о том, что я осталась совсем одна, у меня нет родственников и, по сути, я никому не нужна, больно бьют по сердцу.

Подойдя к клубу, уже почти не чувствую пальцев на руках, однако дверь так и не распахиваю, потому что немного поодаль невольно улавливаю какие-то крики, словно... кто-то на помощь зовет истошно.

К моему ужасу, в этой темноте практически ничего не видно, однако крики продолжают, и я подхожу на звуки ближе туда, куда падает тусклый свет, с каждым шагом леденея от ужаса.

Сердце за секунду начинает стучать где-то в горле от увиденного, и я останавливаюсь. Застываю просто, не в силах пошевелиться от увиденного.

Человек. Он лежит на асфальте в луже воды или собственной крови. На него падает тусклый свет фонаря. Рядом двое бугаев в черных куртках, и еще один самый крупный мужик... бьет его ногами по ребрам. С размаху, жестоко, провоцируя у несчастного жуткий гортанный хрип и, кажется, плач.

Боже, я такого в жизни не видела, и у меня тут же кровь стынет в жилах от этой страшной картины! Они его убивают тут... убьют же прямо сейчас несчастного. Как стая волков накинулись на бедного человека.

Очередной удар, и я слышу хруст его кости. Отвратительный, неприятный, вызывающий у меня настоящий шок.

– А-а-а! – невольно вскрикиваю и только потом прикладываю онемевшую ладонь ко рту.

Этот звук заставляет зверей остановиться. Самый крупный из них – тот, который бил, – первым оборачивается ко мне, и в этом монстре я узнаю... Бакирова.

За ним следом оборачиваются остальные. Здоровый бугай Хаммер и еще другой, незнакомый мне мужик со страшным звериным взглядом.

Прямо сейчас они все смотрят, точно дикие волки, на меня, тогда как я от шока даже слова сказать не могу, пошевелиться тоже.

Мне страшно. Я стала свидетелем того, чего не должна была видеть, и как на это отреагируют эти звери – даже не представляю.

Глава 9

– Иди отсюда, – рычит Бакиров. Его взгляд потемневший, страшный, жестокий.

Нет, он не кричит, он от тона его голоса у меня мороз идет по коже, и, вперив взгляд вниз, я быстро забегаю в клуб, только тогда замечая, как сильно дрожат мои руки.

Он никакой не хороший, я ошиблась. Хороший человек не стал бы так жестоко избивать другого, без жалости, просто... как дикий зверь!

Бакиров бандит, и теперь я нисколько не сомневаюсь в том, что то, что он нем говорят, – правда. Он может убить, может сделать больно, может сделать так, что человек больше не вернется домой.

– Лина? Я думала, тебя не будет сегодня.

Алена встречает меня в зале.

– Мне уже лучше, спасибо. Могу работать.

– Ну, иди тогда переодевайся, раз пришла.

– Ага.

Киваю и сразу же иду в раздевалку, стараясь успокоиться, хотя внутри меня все еще колотит.

Тот несчастный человек. Боже, как так можно-то вообще? Как можно человека избивать, делать ему больно, он же просил, господи, он так отчаянно просил его не трогать, а Бакиров не слушал. Он избивал этого бедного мужчину до смерти, тогда как остальные волки просто стояли рядом!

Выйдя из раздевалки, я замечаю, как дверь клуба распахивается, и в нее входят они... Эти звери – дикие, опасные, здоровенные мужики. Бандиты.

Спрятавшись за угол, я даже не дышу, пока мимо проходит Михаил Александрович. За ним, точно собачонка, семенит Серый. Тот незнакомый мужчина вместе с Хамером в зал проходят и сразу же заказывают коньяк у официантки Марины.

Я с ней почти не знакома. Так, перекидывались парой слов, ну и осмотрела она меня в первый день с ног до головы, презрительно поджав губы.

Бросаю взгляд на часы. Еще два часа до официального открытия клуба, но, похоже, для Хаммера он открыт в любое время. Так, ладно, все равно убирать надо, есть посетители или нет, поэтому, нацепив форму и перчатки, я принимаюсь за дело.

Зайдя в зал, невольно на Хаммера смотрю. У него русые волосы и серые глаза. Сам он большой, высокий, не зря я тогда испугалась его. От него аж веет криминалом, хотя я уже видела, как он улыбается. Лучезарно, наверное, самое точное определение. Рядом с ним мужчина сидит. Крупнее, кажется, чуть старше, с черными глазами и такими же волосами. Какой-то дикий, что ли. Тихий, но точно опасный.

Сглатываю и, схватив ведро, специально начинаю мыть полы в дальней части зала, однако даже там этот бугай Хаммер сразу замечает меня. Его зовут Леша, но, кажется, эта кличка ему ближе.

– О, маленькая, иди сюда!

Стиснув зубы, игнорирую. Как же мне хочется стать невидимкой!

– Линусь, иди к нам! Ну, подойди на минутку.

Понимая, что он не отлипнет, осторожно подхожу к мужчинам.

– Добрый вечер.

– Ну как ты, цветочек? Освоилась?

– Все хорошо. Спасибо, – бубню себе под нос, уже жалея, что подошла к ним.

– Знакомься. Это Стас. Наш местный психопат.

Усмехается, а я сжимаюсь вся от такого представления.

– Здравствуйте, – отвечаю тихо, стараясь не смотреть на этого Стаса. Он какой-то страшный, точно волк-одиночка. Он был там. Тоже избивал того бедного мужчину вместе с Бакировым и сейчас, похоже, вообще не жалеет об этом.

– Ну чего ты, маленькая, испугалась того, что на улице было?

Опрокидывая в себя очередную стопку коньяка, Хаммер криво усмехается.

– Нет. Нисколько, – вру и тут же слышу смешок Хаммера, тогда как второй мужчина лишь окидывает меня строгим взглядом.

– Да не бойся ты, тут еще и не такое увидишь. Как твои ручки, больше не хочешь сознание потерять? Может, и мы тебя спасать будем? – издевается Хаммер, а у меня кулаки сжимаются.

– Кто вам рассказал об этом?

– Алена-царевна проболталась. Так что, маленькая, ты уже отблагодарила дядю Бакирова за помощь?

Поднимаю взгляд и с глазами его серыми встречаюсь.

– Я скажу ему “спасибо”.

– Не-ет, ну ты чего? Бакир не принимает простого “спасибо”. Стал бы он тебе помогать, цветочек.

– Я не понимаю, о чем вы.

Пожимаю плечами.

– А тут нечего понимать, – Хаммер отвечает уже серьезно, смотря на меня. – Бакир ничего не делает безвозмездно и всегда забирает долги. Ты же видела сегодня, каким образом. Я бы не злил его на твоём месте. Иди. Лучше сама отблагодари его, малышка, чем он сам к тебе придет долги выбивать, уж поверь, – опрокидывая в себя новую стопку коньяка, говорит Хаммер, а у меня мурашки по телу ползут.

Кажется, я теперь поняла, что помощь Михаила Александровича вчера не была безвозмездной, вот только как я его благодарить буду, если простого “спасибо” ему недостаточно...

Хренов барыга Павлик. Как же мне хотелось его задавить! Жаль, что Фил еще не пришел, но мы и сами отлично справились. Беркут постарался, притащил эту крысу за горло прямо до моего порога, за что, несомненно, получит знатный приз.

Одно только херово вышло: та мелкая увидела нас, и я вообще не понимал, какого черта она приперлась сегодня со своими руками.

Зрелище получилось не очень, так как именно в тот момент Павлуша начал выплевывать кишки, и малая истошно запищала. О, как она смотрела на нас – и особенно на меня. Глазницами своими зелеными по пять копеек, застывшая от ужаса и бледная, как стена.

Захотелось знатно выругаться. Видно, не привыкла эта принцесса видеть такое, тогда как для меня это вообще в порядке вещей. Я вырос в этой среде, и это и есть мой дом, мои правила и мои, мать ее, законы.

Серый выкинул Павлушу за территорию, а я пошел в кабинет. Мне похуй на то, что с ним теперь будет. Зато Фил будет спать спокойнее.

Теперь хочу побыть один, но, как только тянусь за сигаретами, глухой стук в дверь отвлекает.

– Алена, я же сказал, никого...

– Можно? – тонкий голос разбавляет тишину.

Ангел. Осторожно заглядывает ко мне.

Удивляюсь. Какого лешего она сегодня приперлась? Да и вообще. Не место ей здесь. Сто раз уже говорил.

– Ты? Чего тебе?

Вижу, как малая осторожно входит и захлопывает за собой дверь. Еще более бледная, чем тогда на улице. Снова этот балахон на ней жуткий, но так даже лучше, не привлекает внимание ни мое, ни чье-либо другое.

Отмечаю, что пальцы ее как-то уж больно сильно дрожат, хотя голову высоко задрала, горделиво.

– Я... пришла.

Закуриваю. Еще более странной девки в жизни не видел.

Замолкает. Смотрит куда угодно, но не на меня, что уже начинает бесить. Щеки ее быстро становятся пунцовыми, прямо у меня на глазах краснеет. Губы пухлые грызет, хлопает своими ресницами длинными – чудная, ничего не скажешь.

– До завтра тянуть будешь?

– Михаил Александрович... – говорит тихо, сбивается. Вижу, нервничает. Сильно. – Я пришла вас отблагодарить, – лепечет, смотря в пол, дрожащими пальцами свою косу поправляя, и я вот уже вообще ни хрена не понимаю.

– За что?

– За вчерашнюю помощь.

– Ну, благодари.

Становится даже интересно, и, закулив, откидываюсь на кресло. Смотрю на эту мелкую. Что-то она больно красная уже, дышит тяжело, быстро, вот только то, что эта сопля делает дальше, просто вводит в ступор.

Кукла тянется бледными тонкими руками к форме, начиная ее снимать передо мной, при этом дрожа как осиновый лист. Сказать, что я охреневаю в этот момент, – это ничего, блядь, не сказать.

Глава 10

– Так, стоп!

Нет, конечно, я не против стриптиза, но не от этой же сопли.

Ангел резко останавливается, натягивает этот балахон обратно, обхватывает себя руками.

С какого-то перепугу начинает икать предо мной. Прекрасно, просто зашибись.

Смотрю на нее внимательнее. Всполошилась вся, того и гляди разревется, но с места не сдвигается, так и стоит на месте.

Что в ее башке, вот что там? Знал же, с ней будут проблемы, вот как чуял.

– Че ты делаешь?

Молчит. Голову опустила. Щеки еще краснее стали. Ребенок самый настоящий.

– Я не хочу, чтобы вы меня так же, как и того бедного на улице, избили, – лепечет тихо, тогда как я все еще не вкуриваю.

– С чего ты взяла, что я тебя буду избивать и что мне нужна твоя благодарность? Да еще и такая?

– Алексей. То есть... Хаммер сказал, что вы изобьете меня, если я не отблагодарю вас.

Глаза свои поднимает, озера изумрудные. Встревоженные сейчас, как у зайца.

И тут, наконец, до меня доходит. Леха-сказочник, мать его, в своем репертуаре и, конечно, решил оттянуться на этой сопле.

– Пошли.

У него все еще сбиты костяшки на огромных руках, и кажется, Хаммер не врал. Бакиров может обидеть, и ему ничего не будет за это. Я захожу в его кабинет, но от страха забываю слова. Все в голове смешивается, я тянусь к форме, но, как только начинаю ее снимать, Михаил Александрович просто рычит на меня, заставляя сразу остановиться.

Едва хватаю воздух, стараясь не свалиться. Мне стыдно и страшно, и еще как-то... щекотно даже. Поджимаю губы, вдыхаю его запах. Боже, такого позора я еще в жизни не испытывала!

Оперевшись на стол сильными руками, Бакиров смотрит на меня, как на дуру, а я не знаю, что делать и как вести себя. Я в школе отличница круглая, а перед ним как глупышка настоящая.

– Пошли.

После этого Михаил Александрович как-то резко поднимается и кивает на дверь.

– Куда...

– На выход! – зло чеканит, проходя мимо меня.

Идем в зал вместе. Я едва поспеваю за мужчиной, смотря на его широкую спину. Бакиров подходит прямо к столику, где все еще сидят Хаммер и тот мрачный Стас. Рядом с ними девочки-танцовщицы. Одна из них сидит у Хаммера прямо на коленях, довольно его обнимая.

– Че ты ей наплел? – басит Михаил Александрович, а мне хочется провалиться. Как-то жутко неловко вышло. Словно я на этого Алексея нажаловалась.

От стыда живот сжимается, превращаясь в камень.

– О! Бакир, брат, садись к нам.

– Хаммер, я повторяю свой вопрос. Какого хера эта малолетка приперлась ко мне?!

А вот тут уже становится обидно. Михаил Александрович не подбирает выражений и говорит так, словно меня тут нет. Притом говорит недовольно, раздраженно даже, будто я разозлила его. Сильно.

Хаммер расплывается в своей лучезарной улыбке, подмигивая мне.

– Да ничего я не сказал, и вообще, я-то тут при чем? Кто ж виноват, что маленькая шуток не понимает?

Вижу, как Михаил Александрович напрягается, недовольно окидывая меня взглядом.

– Ты заебал уже, Леха. А ты, – смотрит на меня строго, – иди работай.

– Извините, – тихонько ему шепчу и, резко развернувшись, бегу в раздевалку, сгорая от стыда и коря себя за глупость. За тупость даже. Невероятно просто.

Боже, как я вообще могла поверить этому Хаммеру, прийти в кабинет Бакирова, да еще и начать при нем раздеваться?!

О чем только думала... Не знаю. Просто испугалась я его. Поверила, что может и меня избить. Хотя все еще верю: такой, как Бакиров, точно может.

Такого позора я еще не испытывала. Этот взрослый мужчина смотрел на меня, как на идиотку. Обычно я не туплю, но тут просто растерялась.

Теперь хочется отмотать все назад, но я уже наворотила делов, и наверное, Михаил Александрович думает, что я просто конченная дурочка.

Быстро вытираю слезы. Кажется, только теперь понимаю, что тут каждый сам за себя.

В тот вечер я больше не вижу Бакирова, как и три следующих недели. Он вообще не появляется, клубом Анатолий руководит, и спрашивать его о том, куда подевался Михаил Александрович, я, конечно, не могу, хотя думаю о нем. Часто, каждый раз вспоминая его сильные руки, будоражащий запах и строгий взгляд.

После того вечера на месте, где Бакиров избил несчастного, остается кровавое пятно, и я даже не представляю, выжил ли он или нет. Никто в клубе об этом не говорит почему-то. Одно только понимаю: Михаил Александрович уж точно не принц, и было крайне глупо так думать. Он опасный бандит, авторитет, который меня очень пугает, но в то же время почему-то я каждый день прихожу на работу в клуб в надежде снова увидеть его. Хотя бы мельком, хотя бы издалека. Не знаю, что это, у меня такого еще не было... никогда.

За эти недели я знакомлюсь с девушками-официантками, которых три: Марина, Ирина и Светлана, ну и Алена иногда помогает, если они не успевают.

С девушками-танцовщицами я тоже знакомлюсь. Их целая группа, однако заведует всеми Алена. После нескольких недель работы мне удастся краем глаза заметить, как тренируются девушки перед выступлениями, и я даже засматриваюсь на них.

Они все как на подбор очень красивые и двигаются так... эротично, вызывая и просто на грани. Я же смотрю на себя в зеркало в этой жуткой форме уборщицы, и до слез обидно становится. У меня ведь тоже красивая фигура, но под этим балахоном не то что бедер, даже лодыжек моих не видно.

Сегодня заканчиваю чуть раньше. Я наловчилась уже быстро мыть полы и убираться и уже на выходе из клуба встречаюсь с высокой блондинкой, немного похожей на лебедя. Следом за ней заходит Тоха. Анатолий, точнее. Я его так называю. Официально, потому как по кличке его звать мне стыдно.

– Добрый вечер, Анатолий.

– Привет, закончила?

– Ага.

– Ты и есть та самая маленькая работница? – спрашивает блондинка, и я не могу не отметить, что она очень-очень красивая. Такая... изысканная, что ли, благородная даже. Эта женщина тепло прижимается к Анатолию, и я вижу, что он отвечает взаимностью. Это же его невеста Людмила! О которой он говорит... постоянно.

Пожимаю плечами.

– Да. Похоже на то.

– Люда.

Она протягивает мне руку, и, бросив взгляд на Анатолия, я ее пожимаю.

– Очень приятно, Лина.

Становится как-то неловко. Эта молодая женщина – первая, кто мне тут руку протянул. Остальные либо фыркали, либо вообще отворачивались. С официантками мы особо не нашли общего языка. Наверное, потому, что я ниже по рангу, всего лишь простая уборщица.

– Мне пора. До завтра! – кутаясь в свою холодную куртку, тараторю я и просачиваюсь мимо этой сладкой парочки в мартовский вечер. Позже я буду видеть их вместе часто, и, что самое удивительное, грубый Анатолий в присутствии Людмилы забывал о том, что он тоже бандит, и уделял внимание только ей.

Возвращаюсь домой, когда уже давно темно. Я не боюсь темноты, привыкла к ней, однако все же стараюсь быстро проходить темные переулки. Пробегать, точнее. Все еще помню прием Бакирова, который мне наглядно показал, что мои силы с мужскими и близко не равны, так что как-то не хочется нажить себе проблем.

Зайдя в подъезд, быстро поднимаюсь к себе на этаж, и только достаю ключи из кармана замечаю, что дверь в мою квартиру и так уже... открыта.

Глава 11

Осторожно вхожу внутрь. Я думаю, что это снова та жуткая женщина из социального учреждения. Она уже приходила однажды, спрашивала о родственниках, пугала, что заберет в детдом, но я заверила ее, что у меня есть родственники и даже опекун. Я пообещала ей принести справку, но за месяц никакой родственник у меня так и не появился, а потом я долго плакала в подушку. Теперь я все еще боюсь, что она придет снова и меня точно заберут в приют.

Порой так сильно боюсь, что аж руки трястись начинают, однако та женщина стучалась ко мне, а сейчас... дверь настежь открыта.

У меня с собой даже фонарика нет, не говоря уже о чем-то посерьезней, поэтому ступаю тихонько, даже не представляя, кто мог залезть ко мне в квартиру.

Гостей не жду, родственники умерли, да и кому я нужна? Никому, кроме мамы с бабушкой, которых уже нет.

Из кухни по коридору доносится тусклый свет, потому, не разуваясь, я иду прямо туда, замечая за столом... двух мужчин. В синей форме и с погонами. Милиционеры.

– Вы кто?

Кажется, они здорово похозяйничали, пока меня не было, судя по открытым шкафчикам кухни. Как они умудрились открыть дверь без ключа, я даже думать боюсь.

Услышав меня, незванные гости поднимаются, и я невольно сглатываю. Оба высокие, один молодой, а второй старше. Лет сорок ему, похоже, и уже видны морщины.

– Котова Ангелина Алексеевна?

– Да... – отвечаю тихо, успевая уже надумать, за что меня могут арестовать, и в голову пока ничего не приходит.

– Как вы попали сюда?

– Неважно, девочка. Ты проходи, не стесняйся, – говорит старший, будто это я у него дома, а не он у меня.

– Что вам нужно?

– Да ты не бойся так. Просто поговорим. Меня Андрей Витальевич Архипов зовут. Я майор милиции. Садись.

Осторожно опускаюсь на предложенный стул. Сердце за секунду ускоряется до предела.

Вижу, как этот старший милиционер какую-то папку достает и на стол кладет. Прямо передо мной.

– Я... что-то нарушила?

– Кто, ты? Не-ет, ты же хорошая девочка, послушная, да, Ангелина?

– Я не понимаю, о чем вы. Что это?

Бросаю взгляд на открытую папку, а там фото Михаила Александровича в разных ракурсах и в разных местах, а также Анатолий, несколько кадров Серого, Фила и Хаммера.

– Знакомые товарищи?

Перевожу взгляд на милиционера. Что говорить... что?

– Да ты не кипишуй так. Можешь не отвечать. Я знаю, на кого ты работаешь, девочка.

– Я не...

Подхватываюсь со стула, но тяжелая рука мужчины на моем плече заставляет быстро сесть обратно.

– Чш! Ну-ну, спокойно. Сядь!

Сажусь, сглатываю.

– У тебя хорошая квартира, девочка, – осматривается, довольно кивает. – Двушка, условия тоже нормальные. Мамы недавно не стало и бабушки, так ведь? Ты же еще в школе учишься, наверняка тебе очень сложно было найти такую работу.

Обхватываю себя руками. Что-то он не похож на хорошего милиционера.

– К чему вы клоните?

– К тому, что у меня хорошие связи, и я тебе помогу в будущем, но сейчас мне нужен свой человек. Давай дружить, а?

– Я не понимаю...

– Да что ж ты непонятливая-то такая? Лин, мне нужно, чтобы ты просто была очень внимательной и запоминала все-все, что происходит в кубле Бакирова. Стань к нему ближе, вотрись в доверие, а я просто буду приходить к тебе иногда и спрашивать, как дела, идет?

– Нет. Не идет. Уходите!

Подрываюсь со стула, но не успеваю среагировать, когда в тот же миг этот мент хватается мою руку и намертво впечатывает ее в стол своей лапой, сверху ставя горячую чашку с чаем. Прямо мне на ладонь, нажимая на нее до боли.

– Аа-ай! Пустите!

– Слушай сюда, Ангелина. Я не спрашивать тебя сюда пришел, а договариваться, ясно? Или ты становишься моей маленькой мышкой, или уже завтра я вызываю службу опеки и ты пиздуешь в детдом. И уж поверь, я позабочусь о том, чтобы ты из него вернулась выебаной во все дыры. И квартирка твоя мне уж очень нравится, я говорил? Ты же не хочешь остаться на улице?

Рука немеет, а еще очень жжет от горячего расплескавшегося чая, и я вскрикиваю, когда в какой-то момент этот страшный человек убирает чашку, но вместо того, чтобы на стол ее поставить, щедро поливает кипятком мою руку.

– А-а-ай, не надо!

После этого чудовища в форме поднимаются, и, заправляя мне волосы за ухо, этот мент вытирает мои слезы.

– Я думаю, мы поняли друг друга, зайка. Будь хорошей девочкой.

После этот оборотень в погонах забирает папку со стола и, подмигнув мне, уходит вместе со вторым напарником.

Я же опускаюсь на пол, прикладывая жгущую ладонь к груди и стараясь переварить услышанное.

В голову тут же ударяет желание пойти к соседке, чтобы позвонить в милицию, однако я быстро отменяю эту идею. Куда звонить, если только что это и была милиция.

Как этот майор мог столько всего узнать обо мне, забраться в мою квартиру? И, что хуже, он хочет, чтобы я ему рассказывала все, что происходит у Бакирова, чтобы я стала крысой у криминального авторитета...

Глава 12

Всю ночь глаза сомкнуть не могу. Я боюсь, что тот жуткий мент вернется, но никто больше не приходит. Под утро подрываюсь рано с красными глазами и раскалывающейся больной головой. На руке остается красный след ожога, который прячу под большим рукавом свитера. Прекрасный день рождения, не думала, что свои семнадцать лет буду праздновать так, а точнее, вообще не праздновать.

На уроках досыпаю и собираюсь на работу вовремя. Пересчитываю оставшиеся деньги. У меня первая зарплата должна быть скоро, и я очень, очень жду этих денег, потому что, если честно, мне скоро будет не на что покупать еду. Даже самое простое, а брать в долг мне стыдно, да и не у кого. Соседка баба Шура сама перебивается, хоть и зовет меня иногда обедать, я не прихожу. Мне стыдно, и я сама должна справляться со своими проблемами, поэтому обычно я готовлю себе всякие супчики и каши, хотя очень часто хочется фруктов, но позволить их себе пока не получается.

Подхожу к клубу вовремя. У самого входа замечаю престарелого мужчину, который, кажется, входит не собирается. От него плохо пахнет, и весь он какой-то помятый, да еще и на костылях, бедный, стоит.

– Девочка, помоги инвалиду копеечкой.

Протягивает синеватую грязную руку, опираясь на костыли. Одна нога у него перебинтована и согнута в колене. Он едва стоит, прихрамывает.

Вспоминаю, что денег у меня вообще немного, однако и пройти мимо я не могу. Ему хуже, видно же.

– Да, конечно. Сейчас.

Открываю рюкзак, достаю кошелек.

– Че ты делаешь?

Вздрагиваю от грубого мужского голоса, который узнаю за секунду. Бакиров. И сейчас он стоит прямо предо мной. Я не видела его последние три недели и теперь теряюсь. Он высокий и большой по сравнению со мной, а еще мрачный и какой-то злой. Смотрит на меня сурово.

Начинаю нервничать.

– Этот человек не может ходить. Ему нужна помощь. Держите.

Протягиваю ему мелочь, но Бакиров резко убирает мою руку от этого несчастного, не позволяя отдать деньги, а меня от его прикосновения как током бьет. Аж колет кожу!

– Подожди, Ангел. Ходить не можешь, да?

– Да, уважаемый, не могу.

Бакиров осматривает этого мужчину, почему-то усмехается, тогда как я не понимаю, что тут вообще смешного.

Все случается быстро, проходит не больше секунды, и я вскрикиваю от ужаса, когда Михаил Александрович подходит к этому несчастному и одним движением ноги выбивает костыли из его рук! Эти палочки валятся на асфальт, вызывая возмущенное шипение инвалида.

– О боже! Что вы делаете?!

– А-ах, больно... с-сука!

– Вы что?! О господи, так же нельзя!

Бросаюсь помочь этому бедолаге, но Бакиров за руку меня хватает, не давая подойти к инвалиду.

– Не трогай его! Пошел вон отсюда.

– Это кто говорит?

– Бакир говорит. Еще раз припрешься, инвалидом точно станешь, – басит уверенно, заставляя меня всю сжаться, и я аж рот открываю, когда этот несчастный в один миг выпрямляется, берет костыли в охапку и уходит отсюда, как обычный здоровый человек! Он может ходить и даже бегать, судя по тому, как быстро уносит ноги отсюда.

Сглатываю, переводя взгляд на Михаила Александровича. У него щетина отросла и кажется очень-очень жесткой. Почему-то живот сжимается при виде него. Мне жутко неловко рядом с ним и стыдно еще очень почему-то.

– Как... как вы поняли, что он притворяется?

– Я тебе говорил не быть глупой, Ангел! – рычит на меня, а у меня кулаки сжимаются от злости.

– Я не глупая! Я думала, ему нужна помощь! – Бакиров усмехается, а меня уже просто распирает от возмущения.

– Вас родители не учили милосердию, уважению, ну хотя бы доброте?

– У меня не было родителей, а улица научила только одному.

– Чему?

– Бить первым.

Поджимаю губы. Становится стыдно. Я понимаю, что Бакиров вырос без родительской любви.

– Извините, я не знала. Но я не могла пройти мимо инвалида! И это было несправедливо с вашей стороны – толкнуть его костыли!

– Блядь, он никакой не инвалид, усека? В жизни нет справедливости! – чеканит Бакиров, выкидывая сигарету, и открывает мне тяжелую дверь клуба. – Входи!

– Я сама могу открыть! И вообще, вы могли бы пройти мимо. Мне ничья помощь не нужна!

– Прикуси язык, дите. Не борзей мне тут.

– Я не ребенок! Я уже взрослая, между прочим! Мне уже семнадцать!

– Входи, я сказал, живо, – Бакиров рычит на меня, и, поджав губы, я все же вхожу в клуб. Дверь и правда тяжелая, открывать ее всегда сложно.

Весь этот вечер дерганая хожу, как на ножах, убираю и все никак не могу выкинуть наш разговор с Михаилом Александровичем.

Я не ребенок, ну почему он меня так назвал?! Не напал бы тот мужик на меня, ну отдала бы я ему деньги последние, ну и что?! Блин, он бы меня просто развел, как дурочку...

Снова я натупила, да еще и так грубо ответила, а ведь Михаил Александрович помог мне тогда с работой. Если бы не он, у меня бы не было этого места.

Становится стыдно, и даже очень, я хочу извиниться за свои слова, однако больше в тот вечер Бакирова я не вижу, как и всю следующую неделю.

Все это время я плохо сплю, так как теперь каждую ночь к звукам прислушиваюсь. Я боюсь, что тот мент Архипов снова вернется, но он больше не приходит.

В этот момент я понимаю, что должна рассказать Бакирову об этом. Пусть выгонит, если захочет, но я хотя бы не буду это скрывать от него. Каким бы плохим этот бандит ни был, он не заслужил, чтобы я отплатила ему предательством.

Сегодня у меня было две контрольных, поэтому прихожу в клуб выжатой как лимон. Зайдя внутрь, тут же выискиваю глазами Бакирова и, на удивление, нахожу. Он редко бывает здесь, и сегодня прямо удача поймать его, однако, как только я открываю рот, чтобы поздороваться, Бакиров проходит мимо, даже голову ко мне не повернув! Будто меня и нет! Будто я просто пустое место для него, мелкая мошка!

Стиснув зубы от обиды, плетусь домой, но желание рассказать ему об Архипове и извиниться не пропадает, поэтому на следующий день, убрав в коридоре, на кухне и в зале, я переодеваюсь в обычную одежду, но домой не иду.

Бакирова сегодня не видела, но мне нужно дождаться его, чтобы сказать о том случае с ментом у меня дома. Конечно, никакой помощи я не жду от него, но я думаю, что это важно.

– Ты чего сидишь тут, Лин? Отработала же.

Ко мне официантка Марина подходит с подносом в руках. Невольно отмечаю, что ее форма по сравнению с моей как небо и земля. Красивая, открывающая ноги и полную грудь, аккуратная и по размеру. Моя же форма уборщицы ужасная, просто жуть, закрывает меня, точно скафандр!

– Я жду Михаила Александровича.

– Бакирова, что ли?

Киваю. На часах уже десять, и мне давно пора домой, но уходить, не поговорив с ним, не хочется.

– А зачем он тебе, малышка? Он если и придет, так поздно будет уже. Ты бы домой добиралась, пока рано.

– Мне надо, Марин. По личному делу.

– По личному? Как знаешь. Может, и придет, Бакир обычно никому не отчитывается.

Перекинув блондинистые волосы через плечо, Марина уходит с подносом в руках, а я лишь запах еды улавливаю. Не то чтобы я сильно голодной была, но запах нарезанной колбасы и сыра прямо в голову ударяет, провоцируя болезненное урчание в желудке.

Из зала выйти мне все же приходится, так как постепенно посетители приходят и девочки на сцене начинают танцевать. Я же чувствую себя здесь белой вороной. Зал мгновенно напитывается запахом спиртного, сигаретами и мужской похотью, тогда как мне все это чуждо, стыдно и дико.

Выйдя на улицу, кутаюсь в куртку. Хоть уже начало марта, дует пронизывающий ветер, но я знаю, что должна дождаться Михаила Александровича, и, промерзнув еще добрых минут сорок, все же замечаю машину Бакирова.

Он заезжает прямо во двор до самых дверей, вот только выходит не один, а с яркой блондинкой на высоченных каблуках.

– Михаил Александрович...

Подхожу к нему, стараясь не забыть свою приготовленную речь, однако при виде мужчины почему-то сбиваюсь.

– Я... Вы...

– В чем дело? Решила, наконец, уволиться? – спрашивает так, будто надеется, что я так быстро сдамся. Ну уж нет.

Глава 13

– Нет. Я хотела извиниться за свои слова тогда. Извините.

Мужчина на это лишь коротко кивает, и я набираю больше воздуха.

– Мне нужно вам сказать...

– Иди домой, Ангел. Нечего тебе тут шататься, – грубо бросает Бакиров и проходит мимо меня, даже не дослушав. Хлопает дверь, он с этой высокой блондинкой заходит в клуб, а я так и остаюсь на холодной улице.

Становится жутко обидно. Михаил Александрович даже не выслушал меня, будто мое слово для него ничего не значит, будто меня вообще не существует и я совсем не стою его драгоценного внимания.

Хотя с другой стороны, что бы изменилось, если бы я ему рассказала о предложении мента стать крысой и следить за бандитом? Бакиров выгнал бы меня в ту же секунду, и я осталась бы без работы, которая так сильно мне нужна.

Возвращаться в клуб больше не хочется, поэтому, круто развернувшись, я просто бегу в ночную мглу, понимая, что теперь у меня есть секрет от Бакирова, и я надеюсь, что тот мент больше никогда не придет ко мне в квартиру.

На следующий день в школе экскурсия, но я не еду на нее по банальной причине экономии денег. Раньше я не пропускала такие мероприятия, однако теперь мне приходится контролировать буквально каждую копейку, чтобы хватало на еду и проезд, а еще... я получаю новые квитанции за отопление, воду и электричество и очень сильно надеюсь, что с зарплаты смогу покрыть этот уже растущий долг за последние три месяца. Я не платила за это все раньше, нечем было, и я не знала даже, куда идти, чтоб оплатить.

По учебе из-за работы я начинаю немного не успевать, поэтому часто беру книги с собой в клуб и в перерывах между работой делаю уроки и готовлю конспекты. Иногда за этим занятием меня застает Михаил Александрович, и мне становится жутко неловко, хотя кажется, он даже не смотрит на меня.

Такой взрослый, огромный и серьезный, он просто проходил мимо, заставляя меня покраснеть с головы до ног.

Сегодня в клубе приходится задержаться, так как я убираю разбитое стекло от бутылки и пролитое вино. Стекло валяется везде, и я разрезаю три пары перчаток, пока справляюсь с ним.

Марина и Ира мельтешат по залу. Серый тоже там – кажется, они с Ирой встречаются. Алена помогает им. Похоже, сегодня планируется какое-то мероприятие, судя по сдвинутым столам, полным еды. До меня тоже доносятся эти прекрасные запахи, но я стараюсь не реагировать.

Конечно, никто из кухни никогда мне ничего не предлагает, разве что кофе, который я не выношу. Остальные блюда можно заказывать, как обычным посетителям, однако у меня нет на эту роскошь бюджета.

Я уже собралась уходить, когда из раздевалки начинают доноситься какие-то звуки. Постепенно звуки становятся громче, а после я слышу расстроенный голос Маринки, которая выходит в зал вся в слезах. За ней идет Анатолий, мрачный и недовольный.

– Что случилось? – обернувшись к Ире, спрашиваю, она пожимает плечами.

– Не знаю. С Маринкой что-то.

– Влад, дверь закрой. Никто никуда не уходит, – Анатолий холодно говорит охраннику, и мы все слышим поворот ключа. Нас тут закрыли. Изнутри.

– Я не знаю, где он! Я не могу его найти, Толь!

Марина плачет в три ручья, тогда как мы с Ирой лишь переглядываемся. Время уже позднее, и я понимаю прекрасно, что, если не выйду через десять минут, опоздаю на свою последнюю маршрутку.

– Марин, ты уверена, что не забыла дома свой телефон?

Алена подходит к ней, спрашивая, и тут я улавливаю, что случилась какая-то кража или что-то, что просто вывело Марину из себя.

– Уверена! Я пришла с ним. Переоделась, но потом он пропал. Ой, и вы тут! – лепечет Маринка, как только видит вышедшего из кабинета Бакирова. Он вертит ключи в руке и уже явно собирается уходить.

– Что тут, Тоха?

– Кража. Телефон у Маринки спиздили. Похоже, свои.

Анатолий неодобрительно качает головой, но смотрю я на Бакирова. Почему-то каждый раз мне очень хочется смотреть на него, хоть он и пугает меня до чертиков. Михаил Александрович выше Анатолия и шире в плечах, и еще эти татуировки у него на руках... Они меня пугают. Сильно.

– Марин, с кем работала на смене сегодня?

– С девушками-танцовщицами, Аленой, Ирой и этой... новенькой нашей. Линой!

Бакиров тут же взгляд на меня переводит, и я чувствую какой-то холод в его глазах. Недоверие. Неужели он думает, что...

– Выверни карманы, Ангел, – басит Михаил Александрович, и я аж рот открываю от шока. Из всех вариантов персонала он подозревает в краже именно меня...

Глава 14

– Я не брала чужих вещей.

В груди жечь начинает, но я стараюсь сдерживаться. В зале несколько человек, и сейчас все волком смотрят на меня.

Замираю, когда Михаил Александрович подходит ко мне вплотную. Близко, очень близко, отчего я невольно вдыхаю его запах, заставляющий меня всю сжаться от этой близости.

Во рту почему-то становится сухо, и я слышу стук собственного сердца, которое очень сильно почему-то барабанит в груди. Мне страшно, обидно, неизвестно. Я не люблю быть в центре внимания, а тут такое...

– У нас тут все свои. Крысятничество я терпеть не стану. Покажи, что у тебя в карманах, Ангел, – Бакиров говорит строго, смотря прямо на меня, тогда как мое возмущение впорешку со страхом растет с каждой секундой.

– Вы что? Я бы никогда...

Смотрю на него снизу вверх. Михаил Александрович очень высокий по сравнению со мной, а еще большей, однако чего мне бояться? Я не вру, я никогда ничего не воровала. Как бы тяжело мне ни приходилось, не взяла бы чужую вещь.

– Она со мной переодевалась! Больше никому, мы тут всех знаем, – вытирая слезы, говорит Марина, а я взгляд снова перевожу на Михаила Александровича, встречаюсь с его темными карими глазами. Опасными, бандитскими, не знающими доверия. Ко мне.

– Я не буду ничего показывать. Я ничего не брала.

Складываю руки на груди, пытаюсь защититься.

Бакиров смотрит на меня, как на мошку, и ни единой капли доверия там нет.

– Повернись. Положи руки на стол.

Не просит, приказывает.

– Зачем?

– Делай, что сказал.

Вот тут я понимаю, что одна среди волков. Они тут знают все друг друга, а я все еще белая ворона.

– Не буду! – вскрикиваю, намереваясь уйти, однако сделать этого Бакиров мне не позволяет. Все происходит быстро, даже слишком, и очень страшно для меня. Он в два счета меня настигает, хватая за руку и с легкостью подтягивает к столу.

Мои силы ничто по сравнению с его, и конечно, я не могу упираться, я вообще ничего не могу, как куколка просто в его руках.

Еще миг, и мои ладони опираются на стол, а ноги оказываются расставлены на ширине плеч одним быстрым движением бандита.

– Нет, не надо... – шепчу сквозь слезы, просто цепенея от ужаса. Что он сделает мне, что...

– Тихо. Не дергайся, – басит Михаил Александрович, и я просто застываю от ужаса, пригвозденная к этому столу. Я не знаю, что он будет со мной делать, но вижу, что никто не смеет перечить главарю и, конечно, никто мне не поможет.

Пальцы дрожат от страха, дыхание сбивается, и я зажмуриваюсь, когда в следующий миг Михаил Александрович приближается ко мне и наклоняется.

Не дышу даже в этот момент. Не плачу, не шевелюсь.

Мне страшно, я боюсь, что он меня ударит, если честно, но нет. Мужчина проводит огромными руками от моих лодыжек к коленям, скользит по бедрам, быстро проходит по карманам на талии и чуть выше, почти до груди.

Боже, он же меня обыскивает, точно я вор, а я... двигаться даже не могу.словно ягненок перед львом стою. Тело будто одеревенело все и просто невероятно дрожит.

Михаил Александрович не делает мне больно, но каждое его прикосновение для меня как огонь. Пробирает до костей. Обжигает, ранит и заставляет просто трепетать. У него большие горячие руки, очень сильные, умелые, вот только он касается меня ими грубо, точно я воровка. Воровка простая, ничтожная дрянь!

Это длится всего несколько секунд, но это самое большое унижение, которое я когда-либо испытывала в своей жизни. Грязно, при всех, унижительно и больно до жжения в груди.

В какой-то момент все прекращается, и, убедившись, что карманы у меня пустые и я никуда не спрятала телефон, Бакиров убирает от меня свои руки. Я тут же отшатываюсь от него, держа проклятые выступившие на глазах слезы и стараясь выглядеть спокойной, тогда как внутри просто ору от этой несправедливости.

– Тоха, сумку ее проверь, – отойдя от меня, бросает Михаил Александрович, а я пытаюсь унять дрожь в теле. Боже, каждая клетка моя трепетала перед этим страшным мужчиной, когда он меня обыскивал. Это было страшно и унижительно. Просто... невероятно.

– Сейчас.

Анатолий уходит в раздевалку, а я руками себя обхватываю. Марина продолжает реветь, Ира и Алена ошарашенно смотрят на меня, а я не плачу даже, я... дрожу. Не знаю даже почему, я не брала ничего и никогда бы в жизни не своровала чужого. Просто сама эта ситуация, то, что Бакиров на меня первой подумал, бьет больно аж по сердцу.

– Чисто тут.

Выйдя из раздевалки, Анатолий держит мой растянутый скомканный рюкзак, который явно тоже только что был обыскан.

– Хорошо. Марин, проверь свои вещи еще раз, – даже не смотря на меня, чеканит Михаил Александрович, и я не выдерживаю. Развернувшись, просто бегу к выходной двери. Такого унижения я еще не испытывала. Мой рюкзак так и остается в руках у Анатолия, я даже забирать его не хочу. Не могу просто больше быть здесь!

– Влад, откройте, пожалуйста!

Как только дверь открывается, пулей вылетаю из нее и просто убегаю. Я пропустила маршрутку, мой рюкзак с деньгами на проезд так и остался в руках Анатолия, но это все неважно. Михаил Александрович обыскал меня при всех, будто я... какая-то грязная воровка, и это было больно, очень даже!

Он думает, что я способна на это, что я могу своровать, тогда как я скорее бы руки себе откусила, чем сделала такое.

Усмехаюсь горько. Я же крыса, я должна все выслушивать и сдавать тому противному Архипову, вот только если за одно лишь подозрение в краже Бакиров так со мной поступил, то что будет, если я действительно его подставляю и стану крысой?

Даже думать страшно о таком, поэтому сразу ловлю стаю мурашек по спине.

Вот что мне делать? Этот майор Архипов меня просто на убой бросает, словно кусок мяса на растерзание зверю, и я не знаю, как долго смогу выдержать это все. Жить, храня опасный секрет от криминального авторитета, и бояться, что в любой момент меня могут забрать в детдом, если откажусь сотрудничать с милиционером. Это выбор без выбора, и я словно оказываюсь между двух огней.

Вдыхаю прохладный воздух в разгоряченные легкие. У меня в кармане совсем нет денег. На часах полдвенадцатого ночи, и сегодня я понимаю, что буду идти домой пешком.

Глава 15

Эта девочка малолетка. Я честно думаю, что она свалит через пару дней, но нет, ни хрена. Меня не было три недели, и, вернувшись в клуб, я снова вижу ее. В легкой куртке, эта святая наивность уже протягивает бабло какому-то хмырю, корчащему из себя немощего.

Я думаю, она заметит эту халтуру, но нет! Ангел даже не видит этого фальшивого дешевого театра. В ней действительно словно что-то от ангела. Настолько чистая, невинная, не искусшенная еще жизнью кукла просто жалеет этого придурка, который уже жаждет получить ее бабло.

Ее лицо в момент, когда толкаю костыли упрям, просто надо видеть. Глазища еще больше становятся, вся подбирается, еще и отчитывать меня начинает, хотя вижу, что меня все же боится.

Чудная, странная девка просто до ужаса, и такая еще зеленая, что мне хочется посадить ее в колбу стеклянную и просто охранять от происходящего вокруг дерьма. Ямочки на ее щеках сводили меня с ума, тогда как я даже пальцем не смел ее тронуть.

Она слабая, но гордая, и меня бесит эта ее мнимая самостоятельность, которую Ангел так усердно пытается мне показать, что даже забавляет.

Я нечасто в клубе, всем заведует Тоха, но, когда смотрю на нее, это всегда занятно. Ангел. Она чем-то похожа на него. Такие же огромные глаза, кукольная внешность, тонкий нежный голос и хрупкое телосложение, скрывающееся за балахоном явно огромной для нее формы. Кукла с трудом даже ведро с водой поднимает, и я не понимаю, какого хрена эта девочка все еще делает в моем клубе.

Ее поведение, мягко говоря, странное. Малая то бледнеет, то краснеет предо мной, притом по-настоящему, видно, что играть она пока не научилась.

То она шарахается от меня, то, наоборот, караулит под клубом не пойми на кой черт, что мне не нравится, но и замену ей не ищем, так как работает старательно.

Малая часто сидит в своих книгах, забившись в один из углов зала, и я понимаю, что тогда она не врала и не корчила из себя ничего. Она такая и есть, святая, блядь, невинность.

Странная девочка и такая зеленющая, она меня чем-то раздражает. Своей этой наивностью и чистотой, наверное. От Ангела аж вибрации этой чистоты исходят, но я не смотрю на нее как на женщину и вообще стараюсь не глазеть. Да и не женщина она никакая, кожа да кости, волосы длинные, глазища в пол-лица.

Одна забава – заставить ее смущаться, что происходит каждый, мать его, раз, когда Ангел видит меня. Тогда она краснеет, поджимает губы, и я снова вижу эти охренительные ямочки на ее щеках.

Я собираюсь уезжать вечером, но новость о краже в моем заведении срывает на хрен мои планы. Я ненавижу крыс, я их на дух не переношу и всегда душу, особенно если это случается на моей территории, и какое же мое удивление, когда Марина указывает именно на Ангела.

Девчонка. Ее глаза становятся по пять копеек, и конечно, я не верю, что эта мелочь может что-то спиздить, однако ее обвиняют при всех, и с какого-то хрена она еще начинает брыкаться, чем вызывает еще больше вопросов.

Я ловлю ее просто за секунду и тащу к столу. Ангел слишком слаба и напугана, чтобы упираться дальше. Обыскать ее приходится прямо в зале, зажав между собой и столом, и это не нравится мне от слова совсем.

Ангел не шевелится даже, пока я ее обыскиваю. Она замирает, точно ежик, и, как только я к лодыжке ее прикасаюсь, сразу ощущаю, как сильно она дрожит, аж подкидывает, блядь, ее.

Хочется выругаться, но я стискиваю зубы, быстро прохожусь по ногам, бедрам, тонкой талии, улавливая легкий яблочный запах девочки, и мне не нравится моя реакция на нее, она не должна быть такой, только не к ней.

Девочка не шевелится, пока я проверяю ее карманы, и, кажется, даже не дышит. Я же радуюсь только одному. Что это я ее лапаю, а не кто-то другой, поскольку это бы мне уж точно не понравилось.

Как только отпускаю мелкую, Тоха выходит с ее рюкзаком, в котором, конечно, нет никакого телефона, и почему-то мне хочется знатно выругаться.

– Отдай ей рюкзак. Пусть домой шурует, – рычу, хотя злюсь на себя. Не хрен было этот цирк устраивать, да еще и у всех на виду, но так было нужно. Необходимо просто. Здесь все свои: Тоха, Хаммер, Фил, с которыми вместе с детдома. Алена, которую знаю больше десяти лет. Без доверия хрен бы что-то получилось, это основа, и воровство под боком я терпеть не буду и никогда не стану.

– А где она, Бакир? Я не вижу ее уже.

Тоха подходит ближе, и я перехватываю рюкзак у него из рук, однако тоже малую в зале больше не нахожу.

Иду к входной двери. Уже настежь открыта.

– Влад, где малая?

– Линка? Ушла. Убежала, точнее. Пулей вылетела отсюда.

– Блядь, я тебе что сказал?! Дверь не открывать!

Напрягаюсь почему-то. Хочется курить, но еще больше хочу найти малую и вернуть сюда, посадить в хрустальную колбу и смотреть. Не трогать.

– Так я думал, все уже. Она ж не брала ничего.

– Думать буду я, Влад! Черт возьми.

Я выхожу на улицу, машинально доставая сигареты. Уже ночь на дворе, все, сука, твари повылазили, и эта святая невинность куда-то свалила без рюкзака и явно без денег.

Глава 16

Поначалу мне кажется, что это ерунда и я быстренько добежу до дома сама ночью, однако довольно скоро я понимаю, что расстояние довольно большое. Я уже жутко замерзла и, кажется, потерялась, поскольку фонари светят далеко не везде, да и этот район я пока плохо знаю.

У меня вообще проблемы с ориентацией в пространстве, и, судя по тому переулку, в который я забредаю, проблемы эти серьезные.

В груди все еще снует обида, но реветь себе запрещаю. Еще чего, плакать из-за Бакирова и из-за того, что он меня обыскал при всех, нет уж, увольте! Не будет такого! Пусть думает, что пожелает, вот только тело все еще дрожит от его прикосновений, и успокоиться никак не получается.

Прикусываю щеку, чтоб не расплакаться. Даже не представляю, как завтра выйду на работу после такого позора, если, конечно, вообще до дома живой доберусь. Ему-то все равно. Наверняка Михаил Александрович с той высокой блондинкой уже. Конечно, куда мне до нее, особенно в своей форме-скафандре, отпугивающей, кажется, даже пауков в зале.

Оглядываюсь по сторонам. Огромная улица, кое-где полуразрушенные здания, выбитые окна. Где-то кричат, слышатся какие-то звуки ударов. Страшновато, конечно, но я иду.

Осторожно обхватываю себя руками, пытаюсь найти хоть какой-то ориентир и не нарваться на отморожков, хотя, по сути, у меня нечего брать. Даже рюкзак свой я оставила в том волчьем логове.

На улице постепенно становится очень тихо, кое-где лают собаки, что, конечно, не придает мне смелости, но я упорно продолжаю идти вперед, пока не замечая огромный джип, который быстро выезжает из-за угла.

У него яркие белые фары, и я резко отскакиваю на тротуар, но машина заезжает прямо на него, преграждая мне дорогу. Открываются двери, и я вижу огромную черную тень, которая идет прямо ко мне.

– Не подходите, а-а!

Мой крик раздается на всю улицу, когда в следующий миг этот громила вплотную подходит ко мне и хватает за руку!

– Боже, нет, нет, не-ет!

– Тихо, не пищи. Это я.

Узнаю его голос за секунду. Бакиров. Собственной персоной, но от этого не становится спокойнее, даже наоборот.

– Вы? Что вам надо?!

– Ты охренела шлаться тут ночами, кукла? – рычит. – В машину. Живо.

В темноте замечая, как сверкают его карие глаза. Боже, как у зверя дикого. Пячусь назад, но стальная хватка на руке не дает сделать и шагу.

– Нет! Я сама прекрасно доберусь.

Михаил Александрович смотрит на меня всего секунду, после чего подходит и с легкостью подхватывает за талию, перекидывая меня через плечо, точно мешок с картошкой.

– А-а-а, что вы делаете?!

Испуг вперемешку со стыдом проносится по венам, а еще я запах его ощущаю. Мускуса и сигарет.

– Не ори. Хуже будет.

Выбраться мне никто не дает. У Бакирова хватка как у медведя дикого, бандит с легкостью уносит меня в авто, усаживает на переднее сиденье джипа, точно куколку.

Сам садится за руль и заводит машину. Я же уже просто пылаю от негодования.

– Что вам нужно от меня? Неужели вы сегодня мало меня опозорили?!

– Я не давал тебе разрешения уходить.

– А мне не нужно ваше разрешение! Я что хочу, то и делаю. Я взрослая и самостоятельная! Остановите машину, я выйду!

Даже говорить не успеваю, как Михаил Александрович резко ударяет по тормозам, и я едва не влетаю носом в лобовое стекло.

Повисает тишина. Осторожно перевожу взгляд на бандита. Его огромные татуированные ручки крепко сжимают руль, и дышит он как-то слишком тяжело.

– Вали, – басит, не смотря на меня, и я медленно поворачиваю голову. В десяти метрах от нас какая-то сходка. Человек восемь мужиков и один полуживой фонарь.

Сглатываю, понимая, что, если сейчас выйду, до дома целой точно не доберусь. Бли-ин.

– Я...

– Все еще хочешь выйти, девочка?

Бакиров поворачивается ко мне, заставляя машинально вжаться в дверь. Страшновато мне с ним рядом находиться, даже очень, но показывать этого не стану.

– А если да, то что? Что сделаете? Тоже меня ногами изобьете, как того несчастного? Вам его совсем не жаль?

– Тот несчастный толкал наркоту таким дурам, как ты. Четверо уже умерло. Одна из них – младшая сестра Фила, так что да, мне его совсем не жаль. Мне похуй на него.

Его кулаки сжимаются, а я прикусываю губу. Теперь понятно, почему они его... так жестоко тогда.

Становится не по себе, стыдно как-то, неловко.

– Я не знала...

– Ты и не должна знать. На, твое.

Достает с заднего сиденья мой рюкзак, бросает его прямо мне в руки.

– Спасибо...

Остаток дороги едем в тишине. Я кутаюсь в куртку от холода, после чего Бакиров включает печку и какой-то шансон, половина блатных слов которого мне неизвестна.

Он довозит меня до подъезда и провожает до самой двери.

– Ты тогда у клуба что-то сказать мне хотела. Я слушаю, – оперевшись рукой о стену, нависая надо мной, басит Бакиров, а я теряюсь. Если только за одно подозрение в краже он при всех меня обыскивал, то что будет, если узнает, что теперь я... крыса ментовская, хоть и не хочу этого.

– Ничего! Просто... Как вы могли сегодня подумать, что я могла что-то своровать?

– Я знал, что ты не воровала.

Это заявление как ножом в бок колет. Больно и обидно.

– Что? Вы знали?! Почему, зачем тогда обыскали меня... при всех!

– Чтобы все понимали, что такой хуйни я не прощаю. Никому. Я могу тебе доверять, Ангел?

Серьезно, прямо, без права увильнуть.

– Конечно, можете, – лепечу одними губами, смотря на него снизу вверх и чувствуя, как горят щеки. Почему-то всегда такое со мной, когда Михаил Александрович рядом. Я не знаю, куда деть глаза, очень хочется коснуться его руки, убежать, прижаться к нему. Господи, что со мной?

– Дверь запри, – басит Бакиров, разворачивается и идет на выход, а я заползаю в свою квартиру, прикладываясь к двери головой и понимая, что, если он узнает о том, что я крыса ментовская, мне точно несдобровать.

Глава 17

– Лина, к Тохе зайди, – принимая мою сегодняшнюю работу, говорит Алена, и я, быстренько переодевшись в свою одежду, иду к нему в кабинет. Бакирова сегодня я не видела, поэтому настроения совсем нет. Он здесь редко, но, когда появляется, мне как-то даже жарко становится, и стыдно, и неловко, и щекотно даже. Ужас какой-то просто, что со мной происходит, но я всегда на входную дверь поглядываю в надежде снова увидеть Михаила Александровича. Хоть мельком, хоть на секунду.

– Анатолий, можно?

Стучусь и сразу слышу ответ:

– Входи, Котова.

Вхожу осторожно. У него меньше кабинет, чем у Бакирова, и не так накурено тут. Легче как-то дышать даже, и не думаю, что это связано только с дымом сигарет.

– Вы меня звали?

– Да. Держи.

Анатолий передает мне прямо в руки конверт.

– Что это?

– Зарплата твоя.

Не могу сдержать улыбку. Наконец-то моя первая настоящая зарплата, которую я заработала сама!

Осторожно открываю конверт, и глаза на лоб едва не лезут. Он битком деньгами набит, крупными купюрами.

– Это... точно все мне? Я же на половину зарплаты договаривалась.

– Бери, пока дают. Работаешь хорошо, без пропусков.

– Спасибо...

Уже на выходе поворачиваюсь, когда слышу голос Анатолия:

– Подожди, Котова!

Вижу, как мужчина достает что-то из шкафчика и кладет на стол. Мобильный телефон. Блестящий и новый. Такие модные сейчас, они только появились. У некоторых богатеньких одноклассниц такие видела. Раскладные, как ракушки.

– Не узнаешь?

– Нет.

– Я нашел его тогда у тебя в рюкзаке, – чеканит Анатолий, а я аж рот открываю от шока.

– Что? Я его не брала. Честно! Я бы никогда...

– Я не знаю, можно ли тебе доверять, но чтобы это был первый и последний раз. Или ты дура и посмела своровать, или уже успела нажать врагов здесь. Телефон я верну Марине, скажу, что нашел под столом, но не думай, что ты тут самая умная. Если Бакиров тебя на краже поймает, мало не покажется. Если это сделаю я, сделаю то же самое и не посмотрю, что ты еще мелкая.

Прикусываю губу. Кажется, я знаю, кто подложил мне этот чертов телефон. Марина, вот только зачем ей подставлять меня, притом так жестоко... То, что я тогда пережила с Бакировым, как он меня обыскивал при всех, до сих пор болью отдается в сердце.

– Почему вы тогда не сказали Михаилу Александровичу об этом? Почему защитили?

– Он бы тебе руки оторвал за это.

– Почему вы так уверены в этом?

– Я хорошо знаю его. Мы вместе росли в детдоме, а потом и на улице выживали. Девочка, не думай, что Бакиров добрый, раз защищает тебя. Он тебе доверяет просто. Пока доверяет. И я не буду своему брату врать, если ты еще раз накосячишь, усекла?

– Да. Вполне.

– Иди давай.

– Спасибо, – шепчу ему и выскальзываю за дверь, пытаюсь унять бешеное сердце. Анатолий спас меня, иначе бы простым обыском тогда Бакиров не ограничился. Сделал бы он мне больно? Не знаю, я все еще помню его руки на своей талии. Как лапы медвежьи они, сильные, огромные, жесткие. Злить его мне совсем не хочется.

В этот вечер Михаил Александрович так и не появляется в клубе, поэтому уже в девять я ухожу с работы, прикидывая, на что потрачу зарплату, а потратить придется немало. Часть денег на коммуналку, часть на проезд, еду и еще на курсы по биологии, которые я так до сих пор и не купила.

Я уже почти дохожу до остановки, когда практически на пустынной улице ко мне подходит какой-то парень в черном капюшоне и, схватив меня за руку, буквально впечатывает в стену.

– Ай, пусти!

– Тихо, манюнь. Это всего лишь я.

Парень откидывает капюшон, и я вижу... Серого.

– Ты?! Что тебе надо, совсем с ума сошел – ходить за мной?

– Ты это... своей же хочешь стать? – шипит как-то странно, и я отхожу от него на шаг назад.

– В смысле?

– В коромысле! Ты ж видела, как на тебя тогда все смотрели. Доверия к тебе нет. Его покупать надо. Давай, малышка, гони лавэ в казну. Будет тебе и доверие, и защита.

– Что? О чем ты, Серый?

– Не будь такой глупой, Линок. Все с зарплаты отчисляют процент в казну Бакирова. Мы все под ним ходим. Ты уже тоже, так что скидывайся.

Сглатываю. Кажется, теперь я понимаю, почему так много Анатолий мне заплатил. Все равно ведь часть денег вернется обратно.

– Хорошо. Сколько нужно?

– Девяносто пять процентов.

– Что?! Ты с ума сошел, а жить мне на что?

– Все так делали. Первое время сложно, а потом уже всю сумму будешь получать. Гони лавэ, малая. Меня Бакиров сам прислал. Ты же хочешь и дальше на него работать? Казну пополнять надо.

Поджимаю губы. Похоже, я начинаю понимать эту систему, вот только я немного на иное рассчитывала, и теперь про покупку курсов мне придется забыть, впрочем, как и про покупку фруктов, которые я так хотела.

Открываю конверт и достаю оттуда почти все. Остается только на проезд и на еду на несколько дней, чисто перебиться.

– Умница. А теперь домой езжай. Темно уже. Или могу проводить, – складывая деньги в карман, усмехается Серый.

– Нет, спасибо. Сама доберусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.